

ПОЛОЦКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости

Цѣна: за годъ пять руб.,
за полгода—три рубля, съ
пересылкою.

Подписка принимается у оо.
благочинныхъ епархіи и въ
Редакціи „Вѣдомостей“—*Витебскъ, Духовная Семинарія.*

ВЫХОДЯТЬ
два раза
въ мѣсяць.

1903 г.

Редакція просить лицъ, при-
сылающихъ статьи для на-
печатанія въ „Вѣдомостяхъ“,
писать ихъ разборчиво и на
одной сторонѣ листа.

Статьи, принятыя къ напе-
чатанію, въ случаѣ необхо-
димости подлежатъ сокра-
щенію и измѣненію.

№. 5.

Содержаніе:

Официальный отдѣлъ: 1) Распоряженія Его Преосвящен-
ства. 2) Сообщенія Полоцкой Духовной Консистеріи. 3) Извѣщенія
къ свѣдѣнію и исполненію: а) отъ Полоцкаго Епарх. Училищнаго
Совѣта, б) отъ Правленія Полоцкаго женскаго училища духовнаго
вѣдомства. 4) Отчетъ Полоцкаго женскаго училища духовнаго вѣ-
домства за 190¹/₂ учебный годъ.

Неофициальный отдѣлъ: 1) Епископъ Серафимъ—Слово
объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 2) Н. Тихо-
мировъ—На распутіяхъ міра. 3) Миссіонерскій отдѣлъ. 4) Лѣтопись
Вѣдомостей. 5) Справочный указатель. 6) Объявленія.

Въ приложеніи: а) Римская литургія (прод.), б) Вся Епархія По-
лотская (прод.).

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

❧ *Официальный отдѣлъ.* ❧

Распоряженія Его Преосвященства.

Резолюціею Его Преосвященства отъ 18 февраля за № 832 бывший учитель Ракишской ц. прих. школы, Ковен. губ., окончившій 4 класса Витебской дух. семинаріи, Николай *Мицкевичъ*, согласно прошенію, назначенъ псаломщикомъ въ м. *Уллу*, Лепельскаго уѣзда.

Съ 1-го апрѣля сего года при Спасо-Евфросиніевскомъ Полоцкомъ женскомъ монастырѣ имѣетъ освободиться мѣсто старшаго священника съ содержаніемъ:

1. Жалованье отъ казны . . . . . 300 р.
2. %%% съ капиталовъ, положенныхъ на вѣчное поминованіе . . . . . 409 р. 58 к.
3. Вознагражденіе за преподаваніе Закона Божія въ Спасо-Евфросиніевскомъ женскомъ училищѣ . . 300 р
4. Дѣлопроизводство по монастырской канцеляріи . 100 р.
5. Плата за повѣрничество при заключеніи контрактовъ по монастырскимъ арендамъ . . . . 150 р.
6. Церковный доходъ отъ молитвословій (по приблизительному расчету) . . . . . 350 р.—450 р.
7. Взамѣнъ хлѣбной дачи денежное пособіе отъ монастыря . . . . . 20 р.
8. Готовая квартира, съ надворными постройками и отопленіе (не менѣе 4-хъ сажень дровъ).
9. Ремонтъ наиболѣе капитальныхъ частей дома на счетъ монастыря.

10. Выдача отъ монастыря корма для рогатаго скота и лошадей.

Итого, содержаніе старшаго священника выражается въ суммѣ (при приблизительномъ расчетѣ статей дохода отъ молитвословій въ 350 р.—450 р.) личными . . . . . 1629 р. 58 к.—1729 р. 58 к.

А съ переводомъ на деньги того, что получается отъ монастыря натурою (обширной квартиры, службъ при ней, отопленія, ремонта, кормовой выдачи и т. д.), это содержаніе превышаетъ сумму въ двѣ тысячи рублей, — Лица, желающія занять означенное священническое мѣсто приглашаются подать къ показанному числу прошенія на имя Его Преосвященства.

Недавно вышла книга: „Православно-богословскія изслѣдованія объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца Адама Зерникава. Переводъ съ латинскаго подъ редакцію Б. Давидовича. Томъ I.“ (I—XI+I— 604) Почаевъ 1902. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Въ этомъ обширномъ трудѣ разсматривается съ чрезвычайной полнотою изслѣдованія и ясностью изложенія весьма важный догматическій вопросъ, который составляетъ главный предметъ разногласія между Восточной Православной и Западной Католической церковью и служитъ одной изъ самыхъ существенныхъ причинъ ихъ разъединенія. Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ живетъ значительное количество р. католиковъ и протестантовъ, съ которыми православному пастырю приходится часто встрѣчаться и имѣть возможность воздѣйствія, духовенству означенную книгу, какъ очень полезную для такого воздѣйствія, полезно приобрѣсти въ церковныя библіотеки.—Русскіе догматисты, М. Макарій и другіе, пользуются

преимущественно Зерникавомъ для опроверженія лжеученія папистовъ.

На извѣщеніи Епископа Волынскаго и Житомирскаго Антонія по сему предмету послѣдовала резолюція Преосвященнѣйшаго Серафима такая:

„Редакція П. Е. В. напечатаетъ соотвѣтствующее о семъ объявленіе съ присовокупленіемъ, что по моему мнѣнію это сочиненіе очень полезно имѣть въ благочинническихъ библиотекахъ“. (1 февр. № 582).

Епископъ Екатеринбургскій и Ирбитскій Никаноръ недавно выпустилъ въ свѣтъ свой новый трудъ подъ заглавіемъ: „Церковныя Чтенія“ Екатеринбургъ. 1903 г. стр. 1—467. Цѣна книги, при выпискѣ изъ канцеляріи означеннаго Епископа, 1 рубль 50 коп. На извѣщеніи о семъ, резолюція Преосвященнѣйшаго Серафима послѣдовала такая: „Редакція П. Е. В. помѣститъ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ этого изданія“ (8 февр. № 698).

Сообщенія Полоцкой Духовной Консисторіи.

Священники церквей: Креславской—Александръ Петровскій, Полоцкій уѣздный Наблюдатель Алексѣй Доновъ, Галужинской—Петръ Квятковскій и Полоцкій епархіальный латышскій миссіонеръ Петръ Лѣпинь назначены Благочинными: а) Петровскій—Двинскаго уѣзда, б) Доновъ 1 Полоцкаго округа, в) Квятковскій—2 Себежскаго округа и г) Лѣпинь—Рѣжицкаго уѣзда.¹⁾

---

1) Корреспонденція сямъ священникамъ адресуется: а)—м. Креславль Двинскаго у.; б)—г. Полоцкъ; в)—г. Себежъ—чрезъ Рыковское волост. правд. въ с. Галужино и г)—м. Корсовка Рѣж. у.

Псаломщикъ Витебскаго Успенскаго собора Борисъ Городецкій 5-го сего февраля умеръ.

Извѣщенія къ свѣдѣнію и исполненію.

Отъ Полоцкаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Во исполненіе утвержденнаго ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВОМЪ журнальнаго постановленія своего отъ 16 истекшаго Января за № 4-мъ, Полоцкій Епархіальный Училищный Совѣтъ выражаетъ свою благодарность ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ владѣльцу им. Усвятъ Шталмейстеру Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Павлу Владимировичу Родзянко, за пожертвованіе имъ 6 дес. 1800 саж. земли и дома съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугой Александровской церковно-приходской школѣ.

Отъ Правленія Полоцкаго женскаго училища духовнаго вѣдомства.

Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода отъ 6 февраля 1903 года за № 1443 на имя начальницы Полоцкаго женскаго училища духовнаго вѣдомства прислано слѣд. письмо:

Милостивая Государыня, Марія Васильевна.

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ФЕОДОРОВНА, милостиво принявъ присланные Вами, Милостивая Государыня, при отношеніи отъ 17 іюля 1902 года за № 328 двѣнадцать иконъ для иконостаса, изготовленныхъ воспитанницами Полоцкаго женскаго училища духовнаго вѣдомства и выразивъ Свое сердечное удовольствіе по поводу успѣшнаго направленія трудовъ воспитанницъ на высокополезное дѣло иконописанія, ВЫСОЧАЙШЕ соизволила повелѣть передать искреннюю благодарность Ея ВЕЛИЧЕСТВА какъ Вамъ, такъ и воспи-

танницамъ, принимавшимъ участіе въ изготовленіи иконъ: Даріи Околовичъ, Неониллѣ Медвѣдковой, Надеждѣ Костко, Юліи Данилевичъ, Вѣрѣ Квятковской, Елизаветѣ Чернявской и состоявшей въ минувшемъ учебномъ году въ должности младшей помощницы классныхъ наставницъ при училищѣ Маріи Горанской, за означенное подношеніе.

О таковой ВЫСОЧАЙШЕЙ благодарности увѣдомляя Васъ, Милостивая Государыня, и присовокупляя, что, во исполненіе повелѣнія ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, иконы, поднесенныя ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ отъ ввѣреннаго Вамъ училища, имѣютъ быть пожертвованы въ церкви бѣдныхъ приходоѡ, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.—(Подпись) К. Побѣдоносцевъ.

Правленіе училища извѣщаетъ, что къ празднику Св. Пасхи воспитанницы 1, 2 и 3 классовъ училища будутъ отпущаться съ 29 марта (суббота 6-й недѣли поста) до понедѣльника Фоминой недѣли.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Полоцкаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, въ учебно-воспитательномъ отношеніи, за 190¹/₂ учебный годъ.

Полоцкое женское училище духовнаго вѣдомства имѣеть счастье состоять подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1) *Личный составъ служащихъ.*

Въ отчетномъ 1901—1902 учебномъ году составъ служащихъ при училищѣ былъ слѣдующій:

а) Члены Правленія училища: предсѣдательница, начальница училища, вдова маіора, Марія Самочернова, окончившая курсъ въ С.-Петербургскомъ училищѣ ордена Св. Екатерины; благочинный училища, священникъ Витебскаго кафедральнаго собора, студентъ семинаріи, Василій Говорскій, смотритель дома училища, коллежскій ассесоръ, Александръ Смирновъ, окончившій курсъ учительской семинаріи;

б) классныя наставницы и ихъ помощницы: классными наставницами въ отчетномъ году были младшаго класса — дочь свободнаго художника Софія Кравцова, окончившая С.-Петербургскіе педагогическіе курсы, 2-го класса — дочь протоіерея Анна Квятковская, окончившая курсъ въ Полоцкомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства, 4-го класса — дочь чиновника Марія Мельникова (испр. должн.), окончившая С.-Петербургскіе педагогическіе курсы и 6-го класса — дочь священника Анисія Образская, окончившая курсъ въ Полоцкомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства; помощницами

наставницъ состояли: для 6 и 4 классовъ—дочь священника Анастасія Шаровская и для 2 и 1 классовъ—дочь священника Марія Высоцкая, окончившія курсъ въ Полоцкомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства. Въ помощь класснымъ наставницамъ оставляются при училищѣ послѣ каждого выпуска двѣ воспитанницы изъ окончившихъ курсъ на должности младшихъ помощницъ наставницъ; за отчетный годъ означенныя должности занимали дочери умершихъ священниковъ Марія Горанская и Лидія Холодковская. Въ должности наставницы по хозяйственной части состояла дочь чиновника Александра Щербакова, прошедшая курсъ школы кулинарнаго искусства Общества охраненія народнаго здравія. Съ осени 1901 года, во исполненіе Высочайше утвержденного Ея ВЕЛИЧЕСТВОМЪ ГОСУДАРЫНЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ МАРИЕЙ ѲЕОДОРОВНОЙ предположенія Свят. Синода отъ 29 мая—5 іюня 1901 года за № 2046, приступлено было къ постепенному преобразованію училища изъ 3-хъ класснаго въ 6-классное чрезъ ежегодный приѣмъ воспитанницъ въ младшій классъ училища, почему въ отчетное время училище состояло изъ четырехъ классовъ—перваго, втораго, четвертаго и шестого.

в) преподаватели училища:

по закону Божию—студентъ семинаріи, священникъ Василій Говорскій, врем. исп. должн. (онъ-же Благочинный училища);

по русскому языку: въ первомъ классѣ—окончившая педагогическіе курсы Софія Кравцова (классная наставница), во второмъ классѣ—окончившая педагогическіе курсы Елена Гердзей, въ четвертомъ классѣ—окончившая педагогическіе курсы Марія Мельникова (и. д. классной наставницы);

по русской словесности и дидактикѣ—магистръ богословія Никандръ Тихомировъ, преподаватель Витебской духовной семинаріи;

(Продолженіе будетъ).

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

≡ Неофициальный отдѣлъ. ≡

С Л О В О

объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. *)

Во исполненіе Высочайшей Воли Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣлилъ въ семь мѣсяцѣ на всегда торжественно праздновать 19-й день февраля, дабы запечатлѣть въ благодарной памяти населенія совершившееся 19 февраля 1861 г. освобожденіе крестьянъ отъ барщины и увѣковѣчить въ русскомъ народѣ молитвенно благодарное воспоминаніе о почивающемъ въ Бозѣ Императорѣ Александрѣ Второмъ.

Это распоряженіе Высшей власти, конечно, принято всей Россією съ глубокою радостью; но едва ли всѣ поклонники освобожденія крестьянъ понимаютъ, какъ должно, значеніе этого событія въ судьбахъ русскаго народа.

Въ самомъ дѣлѣ, 40 лѣтъ протекло уже съ того момента, когда волею блаженной памяти Александра II совершилось освобожденіе отъ крѣпостной зависимости 30 милліоновъ земледѣльцевъ; одинъ за другимъ поемлются смертью изъ среды современнаго поклѣнія участники и очевидцы этого законодательнаго акта; слабымъ отголоскомъ долетаютъ до насъ благодарные клики освобожденныхъ; густымъ туманомъ новыхъ важныхъ событій заволакивается отъ насъ скорбная картина двухсотлѣтняго рабства милліоновъ православныхъ христіанъ; но и нынѣ многимъ хочется забыть это сословное положеніе, какъ тягостное, безобразное сновидѣніе; какъ позорное тиранство и опрометчивое поущеніе государствомъ угнетенія слабыхъ сильными.

Таково общераспространенное пониманіе и отношеніе къ крѣпостному быту, обусловленное невѣдѣніемъ и забвеніемъ вызвавшихъ

*) Произнесено 16 февраля предъ благодарственнымъ молебствіемъ въ кафедральномъ соборѣ.

его исторических обстоятельств; но не такъ слѣдуетъ смотрѣть и относиться къ нему съ точки зрѣнія вѣры въ спасительный цѣлесообразный ходъ исторіи человѣчества.

Именно въ 1453 г. пала подъ ударами турокъ Византійская Имперія. Съ упраздненіемъ этой государственной организаціи надолго прекратилась въ предѣлахъ стараго греко-римскаго міра возможность дальнѣйшаго полного и многообразнаго откровенія божественной жизни; и эту задачу, этотъ блаженный жребій Вседержителю угодно было дать племени славяно-русскому. Но для исполненія этой задачи русскій народъ нуждался въ приобщеніи научному знанію греко-римской образованности и въ продолжительномъ мирѣ съ сосѣдями. Между тѣмъ спустя сто лѣтъ послѣ паденія Имперіи Равноапостольнаго Константина среди будущихъ соперниковъ Русскаго государства—западныхъ народовъ—въ 1555 г. совершилось громадной важности событіе: аугсбургскимъ религіознымъ міромъ, утвердившимъ законность лютеранскаго исповѣданія, было положено начало національному могуществу протестантскихъ государствъ Швеціи, Германіи и Англии. Своекорыстіе и надменное властолюбіе этихъ государствъ вскорѣ должно было привести ихъ въ столкновеніе съ Россією, и для послѣдней предстояло или утратить свое независимое, государственное бытіе, или воспринять отъ этихъ государствъ необходимые для успѣшной борьбы законы и знанія. Поэтому русское правительство, какъ бы предчувствуя неизбѣжность и роковую важность предстоящей съ этими государствами борьбы, вскорѣ послѣ аугсбургскаго религіознаго мира, въ 1590—96 гг., въ царствованіе Θεодора Ивановича, рѣшило создать сильное войско и ради его содержаніе совершить прикрѣпленіе крестьянъ къ землямъ помѣщиковъ. Управлявшій тогда государствомъ Борисъ Годуновъ хорошо понималъ, что разъ основу войска составляютъ дворяне и дѣти боярскія, получавшія за свою службу помѣстья, то ясно, что возможность для нихъ по первому призыву государства являться „конну, людну и оружну“ зависитъ отъ дохода, который они получаютъ отъ своей земли, а доходъ (при отсутствіи тогда значительнаго развитія торговли и фабричнаго производства) зависѣлъ отъ числа душъ, эту землю обрабатывающихъ. Это политическое воззрѣніе, спустя 100 лѣтъ, при Петрѣ Великомъ

получило свою законченную форму и было проведено въ государственную жизнь съ желѣзною настойчивостью. Въ созданіи новой твердой государственности Императоръ Петръ I также оперся на крѣпостное право. „Умножились службы, усилилось и закрѣпощеніе. Просвѣщеніе (образование), „божественныя науки“, искусства и ремесла были куплены цѣною рабства. Цѣль—общая польза оправдывала это средство въ глазахъ Петра и его единомышленниковъ. Чтобы одна часть народа могла заниматься службой, ученіемъ, торговлею, другая, большая, должна была на время превратиться въ безправныхъ и безгласныхъ рабовъ. Петръ отдалъ земледѣльческій классъ высшему сословію на временное кормленіе, чтобы создать ему нужный досугъ для усвоенія грозной европейской культуры, чтобы затѣмъ дѣйствительно цѣнное изъ этой культуры было передано крестьянству, и ея высшее сословіе заплатило долгъ крестьянамъ за это тяжкое закрѣпощеніе“. И послѣдующія событія вполне оправдали эти предчувствія и эти надежды русскихъ правителей. Съ набранными изъ закаленныхъ въ терпѣніи крестьянъ войсками первые Цари изъ дома Романовыхъ—Михалъ Θεодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ отстаивали независимость Россіи отъ лютеранской Швеціи (война съ Густавомъ Адольфомъ) и латинствующей Польши, а Императоры Петръ I-й, Екатерина II-я, Александръ I-й и Николай I-й покорили окружающія ядро русскаго племени мелкія народности и надолго утвердили неизблемость границъ этого новаго великаго государственнаго хранилища неповрежденной апостольской вѣры и Христовой жизни. И когда такимъ образомъ закончился побѣдою этотъ двухвѣковой бранный споръ Православной Россіи съ ея лютеранскими соперниками и достаточно развились и окрѣпли богословіе, наука, ремесла, искусства и торговля, тогда Вседержитель рядомъ событій изрекъ: „осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“ (изъ Высоч. Маниф. 19 февраля 1861 г.).

Такова исторія и значеніе крѣпостного права въ судьбахъ православной Россіи. Это тяжелое явленіе русскаго быта, заимствованное отъ германцевъ, было необходимымъ слѣдствіемъ міроваго положенія

Православной Россіи. Это тяжелое явленіе русскаго быта, заимствованное отъ германцевъ, было необходимымъ слѣдствіемъ мірового положенія Православной Россіи, временнымъ орудіемъ спасенія ея государственной самобытности. Состоявшееся же 19 февраля 1861 г. освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости должно разсматривать какъ знаменіе того, что территоріальный ростъ этого послѣдняго Рима кончился, и многострадальный славянскій народъ вступилъ въ землю отъ вѣка предопредѣленную Богомъ отцамъ его (Дѣян. XVII 26—27), чтобы въ границахъ этой земли пережить періодъ духовной борьбы православнаго пониманія Христовой жизни съ еретическими вѣрованіями (Ис. Нав., XXIII, 13).

Вотъ истинная точка зрѣнія на значеніе крѣпостнаго права и законодательнаго акта объ его отмѣнѣ въ 19 день февраля 1861 г. При такомъ пониманіи этихъ великихъ событій въ исторіи нашей родины сердце невольно наполняется хвалою и изумленіемъ предъ могуществомъ таинственнаго Пастыря народовъ, который далъ нѣсколькимъ поколѣніямъ православнаго крестьянства силу вынести и выстрадать съ покорностью это тяжелое государственное послушаніе. Да воздасть Господь сладкимъ покоемъ и свѣтлою радостью тѣмъ почившимъ милліонамъ этихъ тружениковъ, которые явили себя вѣрными Христову ученію „въ великомъ терпѣннн, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, подъ ударами, въ темницахъ, въ бдѣніяхъ въ постахъ, въ трудѣ и въ изнуреніи, въ голодѣ и жаждѣ, на стужѣ и въ наготѣ, въ чести и безчестіи, при порицаніяхъ и похвалахъ“ (2 Кор. VI и XI). Вседержитель „очистилъ ихъ, какъ золото въ горнилѣ, нашель ихъ достойными Себя и принялъ ихъ, какъ жертву всесовершенную; надежда ихъ полна безсмертія и въ день воздаянія они возсіяютъ свѣтомъ правды“ (Прем. III гл.). И да приметъ тотъ же жребій незабвенный Царь-Освободитель, сократившій дни своего царствованія ради великой доброты своей!

Епископъ Серафимъ.

На распутіяхъ міра.

(По поводу лекціи проф. В. Ф. Чижа на тему: Ницше, какъ моралистъ).

Недавно въ Витебскѣ профессоръ Юрьевскаго университета В. Ф. Чижъ читалъ лекцію на тему: „Ницше, какъ моралистъ“. Слушать лекцію собралась масса мѣстной интеллигентной публики, съ преобладаніемъ еврейскаго элемента. На громадное большинство слушателей лекція произвела очень сильное впечатлѣніе, о чемъ свидѣтельствовали восторженные аплодисменты, которыми награжденъ былъ лекторъ. Но на нѣкоторыхъ изъ слушателей лекція произвела крайне непріятное и положительно удручающее впечатлѣніе, такъ какъ она была открытымъ, хотя и прямо не высказаннымъ, поруганіемъ христіанства. Лекторъ, излагая нравственное ученіе Ницше, превознесъ послѣдняго до небесъ, призналъ за нимъ геній самой высшей пробы, поставивъ его по вліянію на умы рядомъ съ Гегелемъ и Огюстомъ Кантомъ; что же касается нравственнаго ученія Ницше, то г. Чижъ призналъ это ученіе какимъ-то новымъ и величайшимъ откровеніемъ нашего времени, обѣщающимъ создать новую эпоху. О нравственномъ ученіи Христа лекторъ не обмолвился ни словомъ, хотя объ немъ слѣдовало бы сказать уже потому одному, что никто такъ не нападалъ на Христа и Его ученіе, какъ Ницше, дерзко именовавшій себя антихристомъ. Помимо этого, изъ сопоставленія того и другого нравственнаго ученія, т. е. ученія Ницше и Христа, первое особенно рельефно отбѣняетъ свои специфическія черты, но лекторъ, очевидно, считалъ лишнимъ говорить о Христѣ, когда на смѣну Ему, по общему ходу его мыслей, пришелъ „новый руководящій свѣточъ“ философъ Ницше. *)

Мы не будемъ излагать того, какъ раскрывалъ нравственное ученіе нѣмецкаго философа Юрьевскій профессоръ, но скажемъ только одно, что оно было изложено тенденціозно и не всесторонне. Черезъ всю лекцію яркой нитью проходило стремленіе лектора представить ученіе Ницше въ чертахъ очень мягкихъ и чуть не христіанскихъ, для чего ему приходилось одни мѣста въ его ученіи замалчивать, какъ,

---

*) Желающаго болѣе подробно ознакомиться съ вопросами объ отношеніи Ницше къ Христу и христіанству мы отсылаемъ къ нашей статьѣ: „Ницше и Достоевскій“, печатавшейся въ Богословскомъ Вѣстникѣ за іюль—августъ 1902 г.

напр., о величайшемъ и гнуснѣйшемъ злодѣѣ—Цезарѣ Борджіа, именуемомъ Ницше „классическимъ, страшнымъ и вмѣстѣ полнымъ блеска идеаломъ“, другія же мѣста толковать въ желательномъ для себя духѣ, какъ, напр., знаменитое Ницшевское выраженіе: „падающаго толкни“. Представляя въ смягченномъ видѣ ученіе Ницше, профессоръ отчасти достигалъ своей цѣли—пріобрѣсти къ нему симпатіи слушателей, но едва ли бы согласился съ такимъ толкованіемъ своего ученія самъ Ницше, который потому такъ и ненавидѣлъ христіанство, что ученіе его совсѣмъ противоположно тому, чему училъ этотъ пресловутый философъ.

Витебская публика, какъ мы говорили, съ восторгомъ слушала краснорѣчиваго лектора, рукоплескала и благодарила его. Къ счастью, профессоръ уловилъ въ свои сѣти не всѣхъ слушателей: среди нихъ нашлись лица, которыя могли отнестись къ лекціи критически и не только не выражали по поводу ея своихъ восторговъ, но, напротивъ, негодовали, стыдились и ужасались крайней неустойчивости и легкомыслію публики, которая едва ли отдавала себѣ ясный отчетъ въ томъ, за что она расточаетъ свои похвалы и благодаренія.

Впрочемъ, этимъ мы не хотимъ сказать, что только наша Витебская публика такъ неуравновѣшана, легкомысленна и падка до всего новаго. Нѣтъ. Она ни хуже ни лучше другихъ, она плоть отъ плоти, кость отъ кости всей нашей современной толпы, именуемой интеллигенціей, которая растеряла весь свой нравственный багажъ и запасъ прежнихъ вѣрованій, сбилась съ правильнаго пути, и вотъ теперь беспомощно мечется изъ стороны въ сторону, какъ стадо безъ пастыря, не зная, гдѣ же выходъ на дорогу. На этихъ „распутіяхъ міра“ передъ толпой являются разные самозванные „ловцы человѣковъ“, указываютъ ей выходъ на дорогу, и толпа послушно и покорно идетъ за ними.

Вотъ является передъ ней Л. Толстой съ своими оболстительными словами о любви и самоотверженіи, и толпа безпрекословно слѣдуетъ за нимъ, не вникая часто въ ложь крайнихъ выводовъ его ученія безапелляціонно провозглашая его новымъ апостоломъ. Но вотъ является Ницше, отрицающій христіанскую нравственность и вмѣсто любви ставящій основнымъ началомъ человѣческой дѣятель-

ности чувство безпощаднаго эгоизма и жестокости, и толпа съ тою же стремительностью бѣжитъ за нимъ, какъ за новымъ пророкомъ. Ослѣпленная необычайностью какихъ-то новыхъ и до крайности смѣлыхъ построений, она въ моментъ своего увлеченія новымъ учителемъ не слышитъ уже голоса своего прежняго кумира—Л. Толстого, который назвалъ Ницше сумасшедшимъ сумасбродомъ, а его философію „безнравственной, грубой, напыщенной, безсвязной болтовней“ (П. Марьянъ. О современн. положеніи нашей литературы—Новое Дѣло, окт. 1902 года).

Такое легкомысліе, которое въ своей основѣ имѣетъ просто недомысліе нашей интеллигентной публики, не можетъ не обращать на себя вниманія и не поражать мало-мальски серьезнаго человѣка видящаго, какъ она легко мѣняетъ „властителей своихъ думъ“. Я не хочу сказать, конечно, того, что въ настоящее время восторгаются ученіемъ Ницше только тѣ, кто раньше восторгался ученіемъ Л. Толстого, но несомнѣнно то, что многіе, считавшіе себя въ ряду почитателей послѣдняго, теперь причисляютъ себя къ лагерю перваго.

„Волна на волну набѣгаетъ, волна погоняетъ волну“, и вчерашній толстовецъ безразсудно бѣжитъ за этой послѣдней волной, не разсуждая о томъ, насколько она чиста, была бы лишь нова и величественна. Въ мутной волнѣ современнаго ницшеанства онъ усмотрѣлъ какое то „новое, послѣднее слово“, которое далеко оставило за собой не только проповѣдь Толстого, но и Евангеліе; но только одного въ этой волнѣ не можетъ или не хочетъ увидѣть онъ—это крайней безнравственности и безпринципности ницшеанства, влекущаго къ идеаламъ язычества. Современные ницшеанцы, правда, себя язычниками признать не согласятся, между тѣмъ, какъ Ницше за образецъ ставитъ языческую Грецію, видя въ ней чуть не идеаль совершенной жизни человѣка. Такъ какъ отъ этого идеала язычества былъ слишкомъ далеко философъ Сократъ съ его ученіемъ о любви и добродѣтели, то Ницше безстыдно называетъ его за это „гороховымъ шутомъ“, еще дальше отъ язычества стоитъ несоизмѣримое съ нимъ ученіе Христа, проповѣдующее любовь, смиреніе и самоотверженіе, и Ницше изрыгаетъ безумныя хулы на христіанство, называя его „величайшимъ несчастіемъ для человѣчества“. (Міръ Божій, сент. 1898 г. Штейнъ. Ф. Ницше и его философія).

Но, къ счастью, адепты ницшеанства напрасно думаютъ, что жестокая философія Ницше привьется у насъ на Руси. Ницшеанство могло зародиться только на западѣ, тамъ возрасти и, можетъ быть, оно тамъ и дастъ плоды, *), но едва ли оно преуспѣетъ у насъ. Ницше съ своей безпощадной философіей былъ несомнѣннымъ продуктомъ условій и характера своей страны (Германіи), гордой своей силой умственной и физической, проникнутой крайнимъ политическимъ эгоизмомъ и превыше всего, кажется, ставящей крѣпость и увѣсисность своего желѣзнаго кулака, олицетвореніемъ чего былъ ея покойный канцлеръ Бисмаркъ, передъ которымъ такъ преклонялся Ницше. (Переписка Ницше. Русск. Богат. 1901 г., мартъ, стр. 104); ко всему этому нужно еще добавить крайне глубокое религіозное разложене современнаго нѣмецкаго протестанскаго общества, въ которомъ за послѣднее время замѣчается поразительный упадокъ вѣры, проникшіи не только въ высшіе интеллигентные круги, но и въ простой народъ и даже духовенство **), а это обстоятельство въ свою очередь создаетъ самую благоприятную почву для успѣшнаго произрастанія такого антихристіанскаго ученія, какимъ является ученіе Ницше. У насъ въ Россіи такихъ условій для процвѣтанія ницшеанства, къ счастью, нѣтъ и врядъ ли они будутъ, такъ что оно едва ли пуститъ на нашей почвѣ свои корни, сколько бы ни старались объ этомъ разные провозвѣстники его. Правда, эти послѣдніе, въ родѣ проф. Чижа, успѣли уже смутить умы нѣкоторыхъ изъ нашихъ интеллигентовъ, но никогда ницшеанскія идеи не проникнуть въ самую толпу народа русскаго, хранителя русскихъ завѣтовъ и его національнаго духа. Да и въ нашей интеллигентной средѣ ницшеанство не обѣщаетъ быть жизнеспособнымъ, но, являясь только временной накипью и преходящимъ налетомъ, ждетъ новой волны, которая смоетъ его и увлечетъ за собой нашу падкую до всего новаго и моднаго неуравновѣшанную интеллигентную толпу. „Волна на волну набѣгаетъ, волна погоняетъ волну“!

Преподаватель семинаріи *Н. Тихомировъ*.

---

*) Есть, впрочемъ, признаки, что и на западѣ оно начинаетъ уже утрачивать своей кредитъ. (См. Моск. Вѣд. № 18, 1903 г.)

**) Желаящіе съ этимъ могутъ познакомиться въ статьѣ о протестантскомъ западѣ Н. Писаревскаго, помѣщенной въ Богословск. Вѣстн. за прошлый годъ.

Жестокое слово сказалъ авторъ по адресу нашей мѣстной интеллигентной публики, выразившей свой искренній восторгъ проф. Чижу за его оригинальную и блестящую лекцію о Ницше... Но вы слишкомъ строги, коллега... Для васъ взглядъ Чижа на мораль Ницше не новость... Но это потому, что вы знакомы съ болѣе великими именами—Брандесомъ, Лихтенбергомъ и т. п. Для витебской же публики слова Чижа были, дѣйствительно, *новыми звуками*. А потому нисколько не удивительно, что она пришла въ восторгъ... Съ слушателями Чижа, очевидно, случилось то же самое, что съ птицами, которыя однажды въ лѣсу среди неприятнаго карканья ворона услышали новый невѣдомый никому голосъ, полный утѣшенія, ласкающій слухъ... „И вся роща... встрепенулась, прислушивалась съ напряженнымъ вниманіемъ. И даже *соловьи*, которые всегда поютъ недурно, погому что они жрецы *чистаго искусства*, съ удовольствіемъ слушали и говорили: „А, вѣдь, у этого пѣвца есть искорка“!... Пѣвецъ этотъ былъ—маленькая, сѣренькая птичка,—чижь... Вѣроятно, вамъ знакомъ, коллега, этотъ недурный рассказъ современнаго кумира, великаго художника Максима Горькаго. Рассказъ этотъ носить такое названіе—„О Чижѣ, который лгалъ“...

В. Б.

Миссіонерскій отдѣлъ.

Письмо миссіонера.*)

Блаженны пастыри чистыхъ православныхъ приходо́въ, не зараженныхъ расколомъ и сектами! Имъ невѣдомы тѣ скорби, которыя ежедневно волнуютъ и терзаютъ пастыря зараженнаго прихода, и очевидно, послѣднему не видѣтъ спокойныхъ дней до конца его пастырства, такъ какъ короткой человѣческой жизни далеко недостаточно для того, чтобы устроить нажитое вѣками неустройство. Тогда какъ, кажется, все зависящее сдѣлано, и думаешь, что уже новыхъ приключеній не должно быть, остается только доводить до конца уврачеваніе открытыхъ и многолѣтнихъ ранъ, вдругъ—то тамъ, то здѣсь, является новая болячка, требуетъ новаго вниманія, новой энергіи, еще труда и терпѣнія—съ неизвѣстными результатами...

„Какъ поживаетъ Степка?“ спрашиваешь у крестьянина изъ дер. за 7 вер. отъ села.

„А ничего, поживаетъ... женился“ отвѣч. Иванъ.

—Когда и на комъ?

— Въ воскресенье вечеромъ (въ нед. мясопустную) на Аннѣ, она еще мнѣ племянницей доводится. Взяли вещи ея, перенесли къ нему—и живутъ.

Вы спросите, кто же эти Степка и Анна? Это пожилые православные люди, Степка послѣ 20 лѣтней законной супружеской жизни въ апрѣлѣ прошлаго года овдовѣлъ, а Анна послѣ законнаго брака лѣтъ 12 состоитъ вдовой. И вотъ эти люди, ничто-же сумняся, никого-же бояся, сходятся въ нед. мясопустную, не подумавъ о вѣнчаніи и съ спокойной совѣстью начинаютъ новую беззаконную супружескую жизнь.

Это цѣлое горе для пастыря! Вѣдь они разсуждаютъ вонъ какъ: если не понравимся другъ другу, разойдемся; если понравимся—будемъ жить.

*) Помѣщая въ нашемъ органѣ это письмо уважаемаго миссіонера, съ нѣкоторыми сужденіями котораго мы лично не можемъ согласиться, мы руководимся принципомъ: „не стѣнять свободы мысли и слова своихъ сотрудниковъ“... Ред.

Если попъ не будетъ очень приставать, такъ будемъ жить (живутъ же люди—сила не въ вѣнчаніи, а въ любви; бываетъ, что и вѣнчанные расходятся, вѣнецъ не держитъ), а если будетъ приставать—повѣнчаемся послѣ пасхи.

Значить, извольте „приставать“, и единственно надо „надоѣсть“ имъ, чтобы они повѣнчались послѣ пасхи; а ужъ то, что они великій постъ будутъ жить на соблазнъ честному народу беззаконно,—считай какъ хочешь; отлучи ихъ отъ причащенія посредствомъ донесенія Владыкѣ, они и рады будутъ, да еще скажутъ, что попъ самъ ихъ гонитъ въ расколъ; допускай къ причащенію—ревнителі православія ропщутъ... Разлучить убѣжденіемъ—немыслимо (не такія головы, которыя могутъ понимать что либо), „мѣрами полиціи“—не гуманно, не рекомендуется, наконецъ—строго воспрещено миссіонерамъ. Кто правъ, кто виноватъ въ такихъ обстоятельствахъ, судей является много; кто *sine ira et studio* доказываетъ жадность священниковъ и выставяетъ ее причиной раскола и сектантства, кто обвиняетъ тѣхъ же іереевъ въ лѣнностномъ дреманіи, кто—видитъ въ такихъ случаяхъ проявленіе свободы и требуетъ свободы, такъ какъ при свободѣ спасаетъ вѣра правая и не правая. Мы же, отрицая въ данномъ случаѣ всѣ эти причины и доводы, думаемъ, что виною является недостаточная бдительность гражданской администраціи, допускающей во вредъ соціальному положенію и благосостоянію такое растлѣніе семьи, а слѣдовательно и общества. За это безобразное явленіе, можно сказать скотоподобное въ родѣ человѣческомъ, нѣтъ никакого взысканія, ни даже мѣръ предупрежденія и пресѣченія, какъ будто это и не преступленіе. Въ интеллегенціи это можетъ быть и да, но если это допустить и для крестьянъ, то приходится дѣлать заключеніе о всеобщемъ растлѣніи и разложеніи. Интеллегенты, какъ они тамъ ни мудры, а все таки поддѣлываются подъ законность: часто скрываютъ отъ общества свою незаконную связь (хотя и громко кричатъ о свободѣ на все), почти всегда узаконяютъ „плоды любви несчастной“, такъ что „это еще зло не такъ большой руки“; все таки законъ предъ глазами и невольное уваженіе къ нему есть. А у низшихъ братій нашихъ все это проявляется, когда дѣло доходитъ до этого, слишкомъ ужъ откровенно и беззаботно. Во первыхъ, ни отъ кого это не скры-

вается, во вторых незаконная супруга принимается также въ этой средѣ, какъ и законная, наконецъ „плоды любви несчастной“ остаются вполнѣ несчастными, о нихъ никакой, кромѣ животной, заботы не прилагается, да и не сознается, что нужно что либо дѣлать въ подобныхъ случаяхъ. Это дѣти природы—лишь, но не культуры, цивилизаціи и законности. Все это имъ можетъ быть приложено свыше,—отъ власти, въ формѣ законныхъ требованій. Духовная власть авторитетна лишь пока она „праву не препятствуетъ“, а дальше—„батюшка, не ваше дѣло“. Почему, въ самомъ дѣлѣ, человекъ обязанъ вступать въ законный бракъ. Единственное обязательство—совѣсть. А разъ совѣсть его дозволяетъ иначе, значить съ этимъ надо мириться? Но это „не гражданственно“! Хотя у насъ, кажется, и принято именно это безобразіе называть „гражданскимъ бракомъ“. Не потому ли и названіе такое существуетъ, что гражданская администрація не считаетъ сіе явленіе преступнымъ, а предоставляетъ считать его такимъ духовному вѣдомству лишь? А слѣдовало бы кажется тождественно смотрѣть всѣмъ вѣдомствамъ, потому что интересы всѣхъ страдаютъ одинаково.

Но мы немножко уклонились отъ предмета изслѣдованія. Почему же, спросить кто нибудь, заведена рѣчь о блаженствѣ пастырей чистыхъ приходоѡ, когда вышеписанное явленіе касается православныхъ, причемъ тутъ расколъ и т. п. Когда случилось и случается это у Васъ, тоже можетъ случиться и у насъ.....

Если и допустить, что въ сельскихъ православныхъ приходоѡхъ нѣчто подобное можетъ случиться, то нужно предположить къ сему исключительныя условія и обстоятельства (гдѣ чего не случается?). А здѣсь, въ раскольническомъ приходѣ, это является зауряднымъ. Живетъ раскольникъ съ раскольницей—„вѣнчали вокругъ ели“... Живутъ по сему же образу—совратившіеся въ расколъ. Ну, допустимъ, имъ такъ и пристало. Дальше, раскольникъ увлекаетъ православную дѣвушку, а самъ и не думаетъ о православіи. Сердце женское податливо, „волось дологъ, а умъ коротокъ“, и—дѣло готово. Потомъ православному приглянулась раскольница и соглашается идти за него, только „по нашему“, а не „по вашему“... „Любовь зла, полюбишь и козла“... „не могу разстаться, дѣлайте что хотите!“ Ни родители, ни священ-

никъ, ни кто другой—*уговорить* не могутъ бросить ее; а она, какъ рожонъ, не хочетъ и слушать о православіи: „въ какой вѣрѣ родилась, въ той и пригодилась“. Волей не волей свыкаются и съ этимъ положеніемъ, а потомъ дѣлаютъ выводъ: „вѣрно такъ можно,—когда живутъ“. И вотъ—нерѣдкость въ этой средѣ и парочка православныхъ, которымъ уже за 40 лѣтъ, во образѣ незаконнаго сожитія. Какая нужда заставила ихъ *симъ* образомъ сочетаться, а не законнымъ; имъ самимъ точно неизвѣстно (о жадности попа не можетъ быть рѣчи, ибо онъ готовъ приплатить еще, чтобы вѣнчались только). Просто, примѣръ заразительный, отсутствіе страха наказанія Божія и чело-вѣческаго и испорченная совѣсть. Эти обстоятельства, служащія причиною многихъ преступленій, служатъ причиною и этого, по нашему, преступленія. А что касается устраненія этихъ причинъ, то главная причина—извращенная совѣсть—врожденное свойство; воспитаніе и убѣжденіе мало могутъ измѣнить ее; но какъ она, такъ и примѣры соблазнительные, парализуются страхомъ наказанія и самымъ наказаніемъ. По сему административныя взысканія, хотя бы вродѣ штрафовъ или лишенія свободы, несомнѣнно укротили бы порывы порочной совѣсти и отбили бы охоту къ подражанію дурнымъ примѣрамъ. Это нисколько бы не унизило и святости брака, если и не возвысило бы. Теперь же, одними духовными средствами, бороться съ „гражданскими браками“ въ раскольническомъ приходѣ—прямо нѣтъ силъ и возможности. И зло это такъ велико и опасно, что съ нимъ нельзя не считаться и поневолѣ приходится призадуматься.

Миссіонеръ.

1903 г. 13 февр.

Подъ впечатлѣніями періодической печати.

„Правосл. Путев.“ за февраль; сужденія органа о пастырскихъ собраніяхъ вообще и о собраніи пастырей г. Витебска въ частности.—Еще новый органъ—„Новый Путь“, его задачи; статья Тернавцева; статья г. Минскаго—„О свободѣ религіозн. совѣсти“, заблужденіе ея автора.—Еще о свободѣ совѣсти, свящ. Налимова (Хр. Чт. 1903, 1)—Споры о монашествѣ (Богосл. Вѣстн. и Душесп. Чт.).—Истинное монашество по воззрѣніямъ Макс. Грека (Богосл. В. 1903,1)—Можетъ ли монахъ заниматься дѣломъ миссіонерскимъ?—О графѣ Л. Толстомъ (Изв. по Казан. епарх. 1903,3).—Забытое средство пастырскаго воздѣйствія (Самар. Еп. В. 1903,3).—Православно-христіанскій идеаль школы (Довск. Еп. Вѣд. 1903,3).

Вторая книжка новаго журнала „Православный Путеводитель“ снова даетъ намъ поводъ порадоваться за о. о. миссіонеровъ, ведущихъ трудную борьбу съ дерзающимъ расколомъ и еще разъ поблагодарить издателей за оказываемую ими помощь этимъ борцамъ. Новый журналъ—органъ специально противораскольнической; подборъ статей и замѣтокъ свидѣтельствуетъ о серьезномъ отношеніи и вниманіи инициаторовъ къ предпринятому ими не легкому дѣлу и искреннемъ желаніи ихъ дать миссіонерамъ вѣрное руководство въ дѣятельности и указать заблуждающимся истинный *путь въ православную Церковь*.

Входитъ въ обзорѣніе помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ журнала статей, мы не будемъ, а лучше посовѣтуемъ еще разъ всеѣмъ приходскимъ батюшкамъ, имѣющимъ дѣло съ расколомъ, поспѣшить выписать этотъ новый и необыкновенно интересный миссіонерскій органъ, стоящій всего лишь пять рублей.

Не можемъ, впрочемъ, не остановить вниманія нашихъ читателей на довольно обстоятельно раскрытой въ одной замѣткѣ „Путеводителя“ старой истинѣ, что сила нашей миссіи—въ единеніи ея дѣятелей. Мысль эта здѣсь проводится въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. Средствомъ единенія миссіонеровъ, особенно моднымъ въ наше время, являются торжественно устраиваемые всюду епархіальные миссіонерскіе съѣзды. Авторъ же замѣтки фактами доказываетъ, что этого рода собранія миссіонеровъ, сопровождающіяся громкими, краснорѣчивыми рѣчами и всякаго рода торжествами, бываютъ часто малопродуктивны и даже бесполезны. вмѣсто этихъ съѣздовъ, по мнѣнію органа, гораздо полезнѣе для дѣла миссіи устраивать небольшія пастырскія собранія,

на которыхъ бы приходское духовенство извѣстнаго округа или уѣзда могло свободно и безъ шума обсудить тѣ или другіе вопросы пастырско-миссіонерскаго характера. Свою мысль авторъ иллюстрируетъ примѣрами такихъ собраній духовенства въ разныхъ епархіяхъ. Между прочимъ, онъ отмѣчаетъ и извѣстныя нашимъ читателямъ бывшія въ прошломъ году собранія, какъ представителей отдѣльных приходскихъ учреждений, такъ и всего духовенства г. Витебска въ покояхъ нашего Преосвященнаго Серафима: „Изъ Полоцкихъ Епарх. Вѣдомостей мы узнаемъ, говорится въ замѣткѣ, о стремленіи новаго епископа Витебскаго Серафима сблизиться съ своимъ духовенствомъ и объединить его около себя. Минувшею осенью въ его кельяхъ неоднократно собиралось городское духовенство и въ его присутствіи обсуждало религіозно-нравственное состояніе современнаго общества—интеллигенціи и народа, предъявляемые ими къ пастырству запросы и ожиданія, и выработывало тѣ средства и способы, съ которыми духовенство можетъ и должно пойти на встрѣчу пробуждающемуся религіозному интересу у обществъ ихъ пасомыхъ. Собранія эти были оживленны и многолюдны; непринужденность въ рѣчахъ была ихъ отличительною чертою“.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что пастырскія собранія духовенства витебскаго были въ свое время раньше „Путеводителя“ отмѣчены и другими церковными органами, напр. „Церковн. Вѣдом.“ „Церковн. Вѣсти“. Это обстоятельство краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что такого рода взаимообщеніе духовенства весьма желательно и многополезно.

— Одновременно съ журналомъ, имѣющимъ своею цѣлью указывать вѣрный и испытанный путь въ Церковь, сталъ выходить въ 1903 году другой новый органъ, претендующій дать всѣмъ ищущимъ истины какой то „новый путь“.... *въроятно, также въ Церковь...* Имя этому новому, ласкающему взоры читателя своимъ внѣшнимъ видомъ журналу—„Новый путь“...

Невольно, прежде чѣмъ раскрыть эту новую лиловую книжку, подумали мы: *что это за новый путь?... и куда?* Быть можетъ, это тотъ путь, которымъ стараются сблизить общество съ Церковью религіозно-философскія собранія, на коихъ „шумятъ, гремятъ столичные

вити“ и „кипитъ словесная война“...*) Быть можетъ, это путь о. Петрова, предпочитающаго для иллюстраціи своей морали указывать вмѣсто прославленныхъ Церковію святыхъ подвижниковъ на кафешантанныхъ „дивъ и звѣздочекъ?..

Открываемъ и читаемъ вступительную замѣтку редактора Перцова... „Мы поняли, что осмѣянный отцами мистицизмъ есть единственный путь къ твердому и свѣтлomu пониманію міра, жизни, себя. Мы поняли, что ни самодовлѣющій индивидуализмъ, ни наивный альтруизмъ не могутъ выдержать своей исключительности и своей противоположности... Разрѣшеніе этой антиноміи возможно только въ религіозномъ пониманіи міра, въ подчиненіи себя и другихъ—единому Отцу“...

Читатель, ты понялъ эти громкія фразы? Мы откровенно сознаемся въ своемъ невѣжествѣ... Чувствуемъ только, что написано „съ ногъ сшибательно и „съ перцомъ“...

Какъ же встрѣчаютъ новаго „коллегу“ *старые* наши путеводители? „Правосл. Путев.“ не смѣетъ еще „сужденіе свое имѣть“; онъ лишь „недоумѣваетъ и боится“... „Правосл. Русское Слово“ выражается рѣшительнѣе и въ „Новомъ Пути“ усматриваетъ всюду просвѣчивающую тенденцію, которая давно мутитъ головы русской интеллигенціи и которая навѣяна западомъ съ его вольномысліемъ и вольтерьянствомъ. На эту тенденцію указываютъ и письма Л. Толстого, и бредъ Заратустры, и стихотворенія и портретъ Гоголя въ видѣ сумасшедшаго и о. Матвея въ видѣ демона, только что явившагося изъ преисподней“...

Мы почти увѣрены, что „новый путь“ *въ Церковь*... не ведетъ... —Изъ помѣщенныхъ въ первой книжкѣ „Новаго Пути“ статей заслуживаютъ вниманія двѣ: „Русская Церковь предъ великой задачей“ — докладъ Тернавцева въ религіозно-философскомъ собраніи, и—„О свободѣ религіозной совѣсти“ Мнскаго. Съ первой статьей читатели, вѣроятно, познакомились въ „Мисс. Обзорѣніи“, въ первой книжкѣ котораго напечатана замѣтка свѣщ. Филевскаго, представляющая собою очень дѣльные возраженія на выраженные въ докладѣ Тернав-

*) Вѣстн. Евр. 1903,1.

цева мысли о религиозно-общественномъ возрожденіи Россіи *помимо православія и о загробномъ идеалѣ Церкви, какъ причины отчужденія интеллигенціи отъ Церкви.* Докладъ Тернавцева вызвалъ живой обмѣнъ мнѣній, которыя также печатаются въ журналѣ. Интересны, между прочимъ, сужденія нѣкоторыхъ членовъ о нашемъ духовенствѣ, какъ учащей силѣ Церкви, которой, по мнѣнію докладчика недостаточно для возрожденія Россіи. „Виновато ли духовенство въ разладѣ между Церковью и интеллигенціей? замѣчаетъ свящ. Альбовъ.— „Я—одинъ изъ представителей духовенства, и по совѣсти говорю: да, въ нѣкоторой мѣрѣ и оно, можетъ быть, виновато“... „Что отталкиваетъ интеллигенцію отъ духовенства? спрашиваетъ г. Мирлоубовъ. Оно само. Дѣйствительно ли для интеллигенціи въ исканіяхъ Бога нужно непременно посредство священника? Гауптманъ говоритъ: „Богъ для меня—все, пастырѣ—ничто“. „Для священника за Церковью стоитъ не Христось, а что то другое—государственная власть со всѣми этими губернаторами, судьями, исправниками, становыми, урядниками“...

Вотъ, читатель, образчикъ сужденій интеллигента о миссіи духовенства...

Статья Минскаго „О свободѣ религиозной совѣсти“ съ восторгомъ встрѣченная „Богосл. Вѣстникомъ“, произвела на насъ странное впечатлѣніе... Сначала авторъ разсуждаетъ въ духѣ православнаго богослова и, хотя самъ и считаетъ свободу религиозной совѣсти величайшимъ благомъ жизни, однако критически относится къ сужденіямъ интеллигентовъ, настаивающихъ на необходимости безусловной свободы совѣсти и говорящихъ о религиозной реформѣ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ, напр. объ отмѣнѣ паспортной системы. Во внутреннемъ сознаніи, по словамъ автора, свобода совѣсти—неопровержимая истина, и всякое религиозное насиліе несправедливо и безцѣльно; но во внѣшней дѣятельности свобода совѣсти—нелѣпость, такъ какъ исповѣданіе религиознаго ученія неизбежно связано съ пропагандой его. Выхода изъ этого противорѣчія сторонники свободы совѣсти не указываютъ. Не удовлетворяетъ автора и предложенное арх. Антоніемъ рѣшеніе вопроса о свободѣ совѣсти въ томъ смыслѣ, что въ христіанствѣ самый вопросъ этотъ не имѣетъ мѣста, такъ какъ въ христіанствѣ, знаемъ только *одну* истину, нѣтъ выбора между

двумя религіозными истинами, какъ напр. въ язычествѣ. Въ заключеніе авторъ рѣшаетъ трудный вопросъ такимъ образомъ. Христіанство заключаетъ въ себѣ безусловную истину; но въ основѣ его легло различіе между Божескимъ и человѣческимъ, между данною Богомъ истиною и человѣческимъ пониманіемъ ея. Отсюда, преслѣдованіе ересей въ христіанствѣ невозможно: какъ бы ересь не казалась намъ бессмысленной, мы должны помнить, что это *человѣческая ложь* въ сравненіи съ нашей истиной—*тоже человѣческой*, искоренять ересь—это братья за дѣло Божіе. *Каждый изъ насъ* только колосъ въ числѣ другихъ колосевъ, хозяинъ же на нивѣ человѣческой одинъ Богъ, религіозная истина дается намъ *не вся сразу*, а на каждый день по мѣрѣ нашихъ способностей, сообразно нашимъ личнымъ и національнымъ особенностямъ. При томъ, сущность христіанства заключается въ *неизсякаемости религіознаго творчества*; христіанство—храмъ *никогда не достроенный**)... Указаніемъ на католичество, гибнущее вслѣдствіе своей религіозной нетерпимости и признанія свободы совѣсти лишь бредомъ, и пожеланіемъ, чтобы ничего подобнаго не случилось въ православіи, г. Минскій кончаетъ свой блестящій трактатъ...

Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ новый богословъ стоитъ на ложномъ пути. Ужели онъ не знаетъ, что въ христіанствѣ *и пониманіе* истинъ откровенія дѣло совсѣмъ не человѣческое; что кромѣ св. Писанія Церковь источникомъ вѣры признаетъ *и св. Преданіе*, что выбора въ пониманіи истины здѣсь совершенно быть не можетъ; такъ какъ наша человѣческая мысль подчиняется голосу и авторитету святой и непогрѣшимой Церкви вселенской и имѣетъ значеніе по стольку, по скольку она близка къ вѣроученію церковному; что въ Церкви *не все* члены равны, *не все* „колосья“, а есть *церковь учащая*, пастыри и учителя, есть и миряне. Мысль же неизсякаемости въ христіанствѣ—этомъ храмѣ будто бы недостроенномъ, *творчества, новыхъ откровеній и пророчествъ* низводитъ христіанство съ его дѣйствительной высоты и даетъ основанія *всѣмъ изверженіямъ* даже хлыстовскихъ оракуловъ и пивей принимать за откровеніе истины...

— Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ помѣщенная „въ Христ.

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

Чтеніи“ (Янв. 1903) статья проф. свящ. Налимова—„Къ современнымъ толкамъ о религіозной свободѣ“.

По мнѣнію автора, равноправность на землѣ всѣхъ религій и сектъ—утопія несостоятельная и логически и фактически. Всякое заблужденіе подлежитъ уничтоженію, такъ какъ право на существованіе имѣетъ только истина. Фактическую несостоятельность утопій о свободѣ совѣсти авторъ доказываетъ любопытнымъ примѣромъ. „Что произойдетъ въ первую пасхальную ночь въ Кремлѣ, если предоставить всѣмъ сектамъ свободу? спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: „Въ Успенскій соборъ прибудетъ митр. Владиміръ для совершенія богослуженія, не замедлитъ явиться сюда и казакъ Картушинъ лжеархіепископъ московскій, найдется и другой лжеепископъ, прибудетъ сюда и бѣглый попъ, вышлютъ сюда и безпоповцы всѣхъ толковъ своихъ наставниковъ и старцевъ и т. д.

Человѣкъ обладаетъ только условною свободою; свобода же эта состоитъ въ самоотреченіи, которое является опорой личной свободы человѣка, т. е. послушанія голосу совѣсти, и въ дѣятельной любви къ ближнему, основанной на любви къ Богу, открываетъ путь къ полнѣйшей возможной свободѣ. Проявленіе по отношенію къ иномыслящимъ истинной христіанской свободы и составляетъ истинную христіанскую вѣротерпимость, которая не боится ни насилій, ни привилегій и не нуждается ни въ тѣхъ, ни въ другихъ.

Положительныя сужденія автора, отличающіяся, какъ видитъ читатель, крайнею неясностью едва ли могутъ кого-либо удовлетворить..

— Возбужденный въ прошломъ году г. Кругловымъ вопросъ о монашествѣ продолжаетъ занимать наши богословскіе журналы и кажется, къ сожалѣнію, поссорилъ двухъ молодыхъ редакторовъ— „Богосл. Вѣстника“ и „Душепол. Чтенія“ Читатели, конечно, знаютъ сущность спора... Совмѣстимо съ иночествомъ служеніе ближнимъ въ мірѣ, или же вся цѣль и задача для монаха—это устроеніе своего лишь личнаго спасенія? Вотъ поднятый вопросъ. Одинъ органъ отвѣчаетъ, что иноки должны служить міру, другой—сначала росписывается подъ статьей о. Никона объ исключительной обязательности для инока только личнаго спасенія, а потомъ отъ этого взгляда, видимо, отказывается..

По воззрѣніямъ преп. Максима Грека, съ которыми знакомить насъ „Богосл. Вѣстникъ“ (1903,1) монахъ—долженъ быть истиннымъ воиномъ; монашество настоящее слагается изъ двухъ элементовъ: изъ подвиговъ личнаго усовершенствованія, какъ неизбѣжнаго условія для предстоящей общественной дѣятельности и изъ подвиговъ общественно-публичной дѣятельности, какъ осуществленія самымъ дѣломъ заповѣди Христа о любви къ ближнему, какъ необходимое и естественное обнаруженіе высокой истинно христіанской настроенности, приобретенной настоящимъ монахомъ.

Таковъ и былъ самъ Максимъ Грекъ, оставившій тихое уединеніе въ аѳонской обители, посвятившій свои силы самой кипучей дѣятельности среди чуждаго ему народа и сдѣлавшійся жертвою невѣжества нашихъ предковъ...

Что можетъ быть, читатель, выше и труднѣе дѣятельности миссіонера, подвизающагося среди невѣжественныхъ и фанатичныхъ раскольниковъ и сектантовъ, терпящаго всевозможныя нужды, лишения и укоризны... Ужели строгій о. Никонъ, считающій идеаломъ монаха только личное спасеніе, труды и горести миссіонера назоветъ такихъ же „подѣліемъ“ лишь, какимъ онъ признаетъ вообще, кажется служеніе иноковъ въ мірѣ, ближнему?.. Ужели инока-миссіонера, самоотверженно и съ постоянною опасностью для жизни труждающагося среди дикой толпы заблуждающихся раскольниковъ, нельзя назвать инокомъ *настоящимъ* и поставить его на одной ступени съ тѣмъ идеальнымъ, по мнѣнію о. Никона, монахомъ, который въ тихой обители, въ уединенной кельѣ творить молитву Іисусову?!...

Какъ было бы хорошо, намъ думается, если бы иноки посвятили себя трудному миссіонерскому дѣлу... Жатвы много, а дѣлателей мало... Эти дѣлатели—большею частью пастыри и даже свѣтскіе лица; иноковъ же въ рядахъ миссіонеровъ почти не видно... А сколько ихъ „спасается“ въ нашихъ обителяхъ... Сколько изъ нихъ могло бы послужить такъ или иначе дѣлу православной миссіи...

Вспомнимъ приснопамятнаго о. Павла прусскаго и его апостольскіе труды... Ужели всѣ его труды—только „подѣліе“?.. Вспомнимъ нашего родного миссіонера, апостола Тискадь, іером. Мелитона... Ужели и его труды, не дѣло, а „подѣліе“?..

Редакторъ „Душепол. Чтенія“ (1903,1) въ своей статьѣ, написанной „отточеннымъ“ по его выраженію перомъ „Недоразумѣніе по важному вопросу“, между прочимъ, замѣчаетъ: „вопросъ въ томъ, *какъ и чѣмъ именно* православный инокъ, не отступая отъ своего идеала и не подмѣняя его, можетъ служить ближнимъ и даже, если угодно, міру?“

Намъ кажется, что прежде всего—возвращеніемъ заблуждающейся темной раскольнической и сектантской массы народной въ лоно Церкви Христовой... И это служеніе иноковъ будетъ *великимъ дѣломъ* а не „подѣліемъ“...

-- Иноепархіальныя „Вѣдомости“ въ общемъ конкурируютъ своей бессодержательностью и пустотой... Просто не на чемъ остановить вниманіе.

Въ „Извѣст. по Казан. епархіи“, которыя издаются по расширенной программѣ и думаютъ быть похожими на „Вѣру и Разумъ“ и даже пожалуй и похожи... цвѣтомъ обертки лишь, прочли мы между прочимъ интересную, хотя и не новую, замѣтку о графѣ Толстомъ (№ 3).

Останавливая вниманіе на ужасныхъ практическихъ результатахъ, къ которымъ приводитъ ученіе графа, (напр. въ жизни заграничныхъ духоборовъ), авторъ замѣчаетъ: „Быть можетъ, послѣдователи не поняли своего учителя? Быть можетъ самъ то онъ совсѣмъ иначе живетъ?“ Затѣмъ, авторъ показываетъ противорѣчіе между теоріей Толстого и собственной жизнію графа.

„Левъ Николаевичъ Толстой проповѣдуетъ отреченіе отъ собственности, а самъ обладаетъ милліонами: раздавать деньги не годится, разсуждаетъ онъ, ибо деньги зло, а зла распространять нельзя. Лучше ихъ хранить у себя.—Живя подъ охраною законной власти, проповѣдуетъ анархію. Проповѣдуя безбрачіе и безчадіе, имѣетъ жену и 13 человекъ дѣтей. Теоретически развиваетъ воздержаніе, а самъ на свой столъ ежегодно тратитъ столько, сколько хватило-бы на годовое прокормленіе тысячи бѣдныхъ крестьянскихъ семействъ, живущихъ рядомъ.—Въ своемъ имѣніи онъ держитъ большое стадо породистыхъ свиней, которымъ предоставляется такой уходъ и такія удобства, о которыхъ не могутъ мечтать многіе изъ людей. По словамъ Берса

біографа и родственника графа, толпѣ крестьянъ, умолявшихъ о помощи, Толстой коротко заявилъ: „Ничего не могу сдѣлать для васъ; я сдѣлалъ все, что могъ“! Въ другой разъ, услышавъ мольбу о помощи отъ одного бѣдняка, Левъ Николаевичъ проговорилъ: „Я ничего не знаю, ничего не знаю“ и съ юношескою быстротою убѣжалъ отъ него.

Видя все это, невольно задаешься вопросомъ: да полно, самъ-то Левъ Николаевичъ Толстой—ужь Толстовець-ли?

Не понимаемъ, для чего это въ „Извѣстіяхъ“ перепечатываются листки, изд. Обители св. Пантелеймона, составляющіе „Народный Листокъ“ Извѣстій. Для народа?.. Но зачѣмъ же ихъ перепечатывать въ академическомъ, вѣдь, всетаки журналѣ, а не просто предложить духовенству епархіи записаться этими крайне дешевыми листками и раздавать ихъ бесплатно народу... Далѣе, въ „Извѣстіяхъ“ слѣдуетъ отдѣлъ „Смѣси“, наполненный массой коротенькихъ замѣточекъ изъ „разныхъ свѣтскихъ и духовныхъ журналовъ „Прир. и Люди“, „Странника“ и др. и занимающій 1/2 листа печатнаго. А затѣмъ,—объявленія, занявшія цѣлыхъ почти 3 печатныхъ листа...

— Въ „Сам. Еп. Вѣд.“ (№ 3) перепечатана изъ „Яросл. Еп. Вѣд.“, очень дѣльная статья свящ. Ливанова—„Забытое средство пастырскаго воздѣйствія“. Авторъ трактуеть о значеніи христіанской исповѣди, какъ средства воспитанія души человѣческой въ рукахъ пастыря, и указываетъ свойства истинной исповѣди. Священникъ долженъ серьезно относиться къ исповѣди своихъ прихожанъ, располагая послѣднихъ приходить къ таинству какъ можно чаще, вникая во внутреннее состояніе кающихся и давая всѣмъ добрые совѣты отъ Духа Божія. Результаты правильного отношенія священника къ исповѣди очень важны: усиленіе связи пастыря съ пасомыми и подъемъ нравственности прихода.

— Въ „Донск. Еп. Вѣд.“ (№ 4) можно отмѣтить статью „Православно-христіанскій идеаль школы“. Школа, служа разсадникомъ просвѣщенія и знанія, должна имѣть заботу о гармоническомъ образованіи ума, сердца и воли и направленіи этихъ силъ всѣхъ вмѣстѣ и каждой въ отдѣльности къ ихъ Божеств. Первообразу—Отцу небесному. Идеаль этотъ не новый, а старый; знала о немъ и древняя

„святая Русь“, слышимъ мы о немъ и въ наши дни (извѣстный рескриптъ Государя Императора къ г. Мин. Просвѣщенія).

Дѣйствительно, все это старо, читатель. Но напоминать объ этомъ всетаки нужно почаще...

В. В.

Февр. 16 дня.

Наброски съ натуры *).

I.

Завтра сырная пятница...

Это знаменательный въ своемъ родѣ день въ жизни витебскихъ еедосѣвцевъ... Къ этому дню приурочивается большая часть тѣхъ интересныхъ браковъ, къ которымъ прибѣгаютъ несчастные безбрачники, послѣдователи циничной теоріи Ильи Ковылина. Его требованіе обязательнаго дѣвства побѣждено могучимъ закономъ природы, не терпящимъ насилія... Въмѣсто дѣвства и безбрачія явились развратъ и незаконныя связи... Но старообрядецъ всегда нуждается въ обрядѣ, въ формѣ... А потому и блудъ въ еедосѣвствѣ былъ освященъ обрядомъ... Явился бракъ на площади, „самокрутка“, возстановившая древнее языческое „умыканье женъ“...

.....

Завтра пятница... Печально поникъ головой одинокій и уже старый Егоръ Семеновъ и съ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидаетъ свою дочь, бѣлокурую Таню... Много горькихъ думъ передумалъ Егоръ въ эти дни масляничнаго разгула... Онъ знаетъ, что завтра его милую Таню „пойметъ въ жены“ кто либо изъ молодыхъ парней волости... Ему даже извѣстно, кому достанется его дочь...

Давно онъ слѣдитъ за своею дочерью... Нѣсколько разъ даже бранилъ ее за ея легкомысліе, стараясь внушить ей страхъ Божій и предостеречь ее отъ „грѣха“... Но старый чувствовалъ свое безсиліе... Молодая природа брала свое...

Вспоминалъ Егоръ свою молодость, и тяжело, горько становилось у него на душѣ... „Какъ отцы жили, такъ и дѣти будутъ... должны жить“, думалъ онъ... „Бракъ никоніанскій—скверна, а... нашъ—въдѣ, блудъ, грѣхъ“!...

---

*) Въ этомъ отдѣлѣ мы намѣрены дать своимъ читателямъ рядъ картинокъ изъ жизни мѣстнаго раскола и миссіи. Подобныхъ картинокъ каждому миссіонеру и приходскому священнику приходится видѣть цѣлыя сотни. Мы глубоко будемъ благодарны, если наши читатели подѣлятся съ нами извѣстными имъ наиболее любопытными и правдивыми сюжетами для восполненія нашей картинной галлерей... Намъ пужны только сюжеты, хотя бы въ двухъ-трехъ словахъ... Въ эту же галлерей мы будемъ помѣщать картинки изъ жизни раскола и миссіи и *другихъ* епархій, извлекая ихъ изъ журналовъ и газетъ.

Совеѣмъ разстроился старикъ... Но, какъ истый старообрядецъ, онъ спѣшить успокоить себя моралью Ковылина... „Тайно содѣянное тайно и судится... Безъ грѣха нѣтъ и покаянія“...

Вернулась домой Таня. Она была грустна, озабочена... Отецъ ея суженаго, черноброваго Петруши, ее ненавидитъ и объявилъ своему сыну что, если тотъ завтра привезетъ ее, то онъ ее прогонитъ... Ей придется быть женой рыжаго Ивана, который каждый день пристаеъ къ ней...

Испытующимъ и любящимъ взглядомъ встрѣтилъ Егоръ свою дочь... Много хотѣлось ему сказать своей дочери, но онъ видѣлъ, что она и сама страдаетъ много... Поговорилъ старый съ Таней ласково нѣсколько минутъ, ни словомъ не обмолвясь о завтрашнемъ днѣ, помолился истово передъ образомъ и пошелъ спать, шепча про себя: „буди воля Божія“...

.....

Пятница... На торговой площади цѣлый день толнится народъ... Это все старообрядцы... Молодые парни въ новыхъ черныхъ длинныхъ шубахъ весело ходятъ взадъ и впередъ, поглядывая съ какой то особенной улыбкой на милостивныхъ дѣвушекъ, щеголяющихъ своими бархатными солопчиками съ кунными воротничками, собольими муфточками и шелковыми платками самыхъ яркихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ. Все, что только есть лучшаго, дорогого и наряднаго у молодежи, все выставляется сегодня на показъ... Толпа все растетъ... Слышится несмолкаемый говоръ, здоровый смѣхъ, свистъ и звуки гармоникки...

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ...

Смеркаеъ... Молодежь уже раздѣлилась на пары. Каждый парень выбралъ себѣ любимую дѣвушку и, обнявъ ее, ходитъ съ нею уже какъ съ „Богомъ данной женой“... Браки состоялись, и „молодые“ обдумываютъ теперъ, какъ имъ явиться къ отцамъ и заполнить „приданое“...

Таня смущенная и почти со слезами на глазахъ ходитъ съ „изрядно“ выпившимъ рыжимъ Иваномъ, ежеминутно оглядываясь по сторонамъ и кого то высматривая... „Не пришелъ онъ... Не отпустилъ

его отецъ“, думаетъ бѣдная дѣвушка, стараясь освободиться отъ руки нежеланнаго „мужа“...

Площадь пустѣетъ... „Молодые“ разѣзжаются по домамъ... Слышится звонъ бубенчиковъ и пѣсня... Постепенно все затихаетъ...

Робко вошла бѣдная Таня въ домъ своего „мужа“... Нелюбовно встрѣтили ее новые родные... Вспомнила она своего стараго отца... и не могла сдержать себя, разрыдалась...

Наступаетъ ночь... Успокоилась немного Таня и начала раздѣваться... Пьяный „мужъ“ ее ласкаетъ...

Но что это?... Она слышитъ знакомый и дорогой голосъ милаго Петруши... Какъ безумная, она бросается съ постели на дворъ... Ея милый, новый „мужъ“ хватается ее, садитъ въ сани и закрываетъ ее своею шубою... и увозитъ къ себѣ...

Выбѣжавшій на дворъ молодой супругъ старается понять, что случилось... И скоро убѣждается, что онъ сталъ „вдовцомъ“...

В. Б.

ЛѢТОПИСЬ ВѢДОМОСТЕЙ.

Наше епархіальное начальство, озабочиваясь обезпеченіемъ постройками причтовъ церковей епархіи, возбудило предъ св. Синодомъ рядъ ходатайствъ объ отпускѣ денегъ на ремонтъ и возведеніе вновь причтовыхъ помѣщеній на значительную сравнительно сумму. Но отпуски денегъ для удовлетворенія этихъ ходатайствъ идутъ по мѣрѣ накопленія %/о на запасной строительный капиталъ по Полоцкой епархіи и изъ поземельнаго сбора. Такъ, наприм., въ истекшемъ, 1902 году, согласно означеннымъ ходатайствамъ, отпущено было для расчета съ строителями за возведенныя и сданныя въ духовное вѣдомство (въ 1901 году) постройки причтамъ церковей: *Михаловской*, Люц. у.,—879 руб. 15 коп.; *Горалевской*, Вит. у.,—375 руб.; *Казимировской*, Пол. у.,—1425 руб.; *Язно-Богородицкой*, Нев. у.,—100 руб.; *Городищенской*, Велиж. у.,—200 руб.; и *Зябковской*, Дрис. у.,—257 руб.

Помимо этого на разновременно отпущенныя Св. Синодомъ деньги частію уже производились въ 1902 году, частію имѣютъ производиться въ 1903 году работы по ремонту и возведенію вновь причтовыхъ построекъ въ с. *Шкельтовъ*, Двин. у. Въ *Куринъ*, Слободъ и *Вымнъ*, Вит. у.; *Плисахъ*, *Ловцъ*, *Ракитинъ*, *Стереженевъ*, *Кубкъ*, *Ивановъ*, *Туричинъ* и *Гультияхъ*, Нев. у.; *Гореплъ*, Пол. у.; *Старокозловъ* и *Залосемъ*, Себеж. у.; *Ульмъ*, *Свѣчъ*, *Воронечахъ*, *Въломъ* и *Бедрицъ*, Леп. у.; *Горалевъ* (псаломщическихъ построекъ), и *Котовъ*, Вит. у.; *Будницъ*, Вел. у. и *Граверахъ*, Двин. у.; *Кульневъ*, (псаломщическія постройки) и *Липуикахъ*, Рѣж. у.; *Пауль* и *Пыинъ*, Леп. у.; *Бабиничахъ*, Витеб. у.; и *Придруйскъ*, Дрис. у., производство работъ по ремонту и возведенію вновь причтовыхъ помѣщеній, отложено до настоящаго 1903 года. Изъ отпущенныхъ Св. Синодомъ денегъ на обезпеченіе постройками причтовъ выше прописанныхъ церковей выдано консисторіей въ теченіе истекшаго года подлежащимъ строительнымъ комитетамъ, для употребленія по назначенію—9685 руб. 79 коп.; въ текущемъ году на ремонтъ и возведеніе причтовыхъ построекъ въ с. *Бобовойлукъ*, Вел. у. и въ селѣ *Козловичахъ*, Витеб. у.

предположено произвести расходъ нѣкоторой суммы денегъ изъ вырученныхъ и имѣющихъ быть вырученными отъ продажи лѣса, принадлежащаго означеннымъ церквамъ.

Имѣемъ возможности сообщить точныя статистическія свѣдѣнія по духовно-учебнымъ заведеніямъ Полоцкой епархіи за 1902-й годъ.

	Духовенства	Дворянъ	Чиновниковъ	Поч. гражданъ	Мѣщанъ	Крестьянъ	Нижн. чиновъ	Итого
Въ теченіе 1902 года учащіеся по сословіямъ распредѣлялись такъ:								
1. Витебская духовная семинарія:								
въ 1-мъ полугодіи	148	1	21	5	26	18	7	226
во 2-мъ "	147	1	18	9	24	19	8	226
2. Витебское духовное училище:								
въ 1-мъ полугодіи	80	1	5	1	18	10	5	120
во 2-мъ "	103	1	2	1	13	6	5	131
3. Полоцкое духовное училище:								
въ 1-мъ полугодіи	87	"	8	6	5	8	3	117
во 2-мъ "	83	"	10	5	9	7	5	119
4. Полоцкое женское училище духовнаго вѣдомства:								
въ 1-мъ полугодіи	114	"	"	"	"	"	"	114
во 2-мъ "	112	"	"	"	"	"	"	112
5. Полоцкое Спасо-Евфросиніевское женское училище:								
въ 1-мъ полугодіи	88	3	19	5	22	18	3	158
во 2-мъ "	88	3	19	5	23	22	3	163

По источникамъ содержанія вышеозначенное количество учащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ распредѣлялось такъ:

	Казенныхъ	Полуказанныхъ	Частныхъ стипендіатовъ	Спел. стипенд. Св. Синода.	Лагашей	Армейцевъ.	На стип. Преосв. Серафима	На стип. Преосв. Тихона	Своекоштныхъ	Итого
1. Вит. дух. Семинарія:										
въ 1-мъ полугодіи .	68 24	2	2	9	4	„	1	116	226	
во 2-мъ „ .	65 30	2	2	10	4	1	1	111	226	
2. Вит. дух. училище:										
въ 1-мъ полугодіи .	11 „	„	„	8	2	„	„	99	120	
во 2-мъ „ .	15 „	„	„	7	2	„	„	107	131	
3. Пол. дух. училище:										
въ 1-мъ полугодіи .	14 27	„	„	„	2	„	„	74	117	
во 2-мъ „ .	13 27	„	„	„	2	„	„	77	119	
4. Пол. ж. уч. д. вѣдомства:										
въ 1-мъ полугодіи .	30 „	3	„	„	1	„	1	79	114	
во 2-мъ „ .	28 „	3	„	„	„	1	„	80	112	
5. Пол. Сп. Евѣр. ж. училище:										
въ 1-мъ полугодіи .	22 10	7	„	„	„	„	1	118	158	
во 2-мъ „ .	22 10	7	„	„	„	1	„	123	163	

Архіерейскія служенія въ февралѣ мѣсяцѣ были въ кафедральномъ соборѣ,—2, 9, 16, 19, 21 и 23. Въ недѣлю сыропустную Его Преосвященство совершалъ вечерню и обычное прощаніе; въ 1-ю недѣлю вел. поста—Чинъ Православія. За литургіей въ день освобожденія крестьянъ сказано было слово Его Преосвященствомъ (выше напечатанное). Очередныя проповѣди сказывали: 2 февраля прот. Ник. Соколовъ на тему:—Отчего мы боимся смерти, а не радуемся, какъ радовался праведный Симеонъ Богопримецъ; 9-го—свят. А. Сушке-

вичь—О страшномъ судѣ; 16-го свящ. І. Жиглевичъ на текстъ Рим. 13 гл. 12ст и 26 февраля о. Ректоръ семинаріи прочиталъ Дѣяніе Свят. Синода объ открытіи мощей старца Серафима, подвижника Саровскаго.

---

19 февраля с. г. скончался въ Новгородѣ, въ Хутынскомъ монастырѣ, Епископъ Кирилловскій, *Арсеній*, бывший ректоромъ Витебской дух. Семинаріи 1869—1872. Въ слѣд. № посвятимъ нѣсколько строкъ почившему мѣстному дѣятелю. Надѣмся, что бывшіе воспитанники о. Ректора Арсенія не только помолятся объ упокоеніи души его, но и пришлютъ о немъ свои воспоминанія.

Справочный указатель и отвѣты редакціи.

1. Просимъ приходскихъ священниковъ и миссіонеровъ *поспѣшить* исполнить распоряженіе Противораскольническаго Комитета, напечатанное въ Полоц. Еп. Вѣд., № 3, въ офиц. ч. Дальнѣйшее молчаніе священниковъ мы будемъ понимать въ томъ смыслѣ, что въ той или другой церкви нѣтъ *ни одной*, необходимой для бесѣдъ съ заблуждающимися книги.

2. Разрѣшите недоразумѣніе, читатель. Каждый мѣсяць мы имѣемъ честь получать, между прочимъ, такого рода отчеты о жизни раскола и миссіи въ Н... и У... приходахъ.

„Честь имѣю сообщить Комитету, что раскольники, живущіе въ Н... приходѣ пребываютъ въ своемъ прежнемъ положеніи“. Это за январь.

„Честь имѣю сообщить Комитету, что раскольники, живущіе въ приходѣ Н... церкви, пребываютъ упорны въ своихъ заблужденіяхъ“. Это за февраль.

А вотъ еще образчикъ *доросовѣтнѣйшаго* отчета: „Честь имѣю сообщить, что въ декабрѣ послѣ вечерняго богослуженія въ школѣ велись чтенія и собесѣдованія съ народомъ“. То же самое буквально и за февраль.

Что это, читатель? Насмѣшка, издѣвательство, или дѣйствительный показатель ревности пастыря...

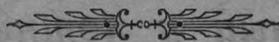
3. Священнику Жеребычской ц. Вы пишете, что спеціальными миссіонерами по округу состоятъ свящ. Н. Поповъ и свящ. І. Крампъ и что они въ вашемъ приходѣ не бывали. Не удивительно, батюшка... О. Н. Поповъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ у васъ миссіонеромъ, а о. І. Крампъ отказался отъ должности миссіонера еще въ прошломъ году, и у васъ въ округѣ теперь миссіонеромъ состоитъ св. Мядлинской ц. о. Н. Основскій. Еще вы пишете, что были у васъ случаи присоединенія изъ раскола, но не указываете присоединившихся. Соболавоолите восполнить пробѣль... В. Б.

Его Преосвященство, Серафимъ, Епископъ Полоцкій и Витебскій, принимаетъ ежедневно за исключеніемъ дней воскресныхъ, праздничныхъ и субботнихъ, отъ 10 до 2 час. пополудни.

Его Превосходительство г. Витебскій Губернаторъ принимаетъ ежедневно кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней отъ 10 до 12 ч.

Редакторы, преподаватели Витебской
Духовной Семинаріи: *Д. М. Довгялло.*
В. Бѣляевъ.

Печатать разрѣшается. 26 Февраля 1903 года.
Цензоръ, Ректоръ семинаріи, *Архимандритъ Кириллъ.*

Типо-Литографія

Наслѣдниковъ М. Б. Неймана

※ СУЩ. СЪ 1818 ГОДА. ※

(печатающая Полоцкія Епархіальныя Вѣдомости)

въ г. Витебскѣ,

Замковая улица, домъ Кушнера.

исполняетъ всевозможные заказы для правительственныхъ и общественныхъ учрежденій книгъ, брошюръ, отчетовъ, газетъ, плановъ, чертежей, визитныхъ и др. карточекъ и проч. типо-литографскихъ работъ

по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

ОБШИРНЫЙ СКЛАДЪ БУМАГИ

и КАНЦЕЛЯРСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ.

РАМОЧНАЯ МАСТЕРСКАЯ,

БАГЕТЪ,

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ ВЪНКИ.

Музыкальный и нотный отдѣлъ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И СКЛАДЪ

придворныхъ фортепіан. фабрикъ:

К. М. Шредеръ, Я. Беккеръ, Вр. Дидерихсъ, Ф. Мюльбахъ, К. Ренишъ, Оффенбахеръ и К^о. и др.

Піанино отъ **350** р.
и дороже.

ФИСГАРМОНИИ

Рояли отъ **550** руб.
и дороже.

извѣстныхъ фабрикъ Бентъ, Карпенгеръ и др.

Скрипки, гитары, мандолины, балалайки, смычки, струны, ноты и др. инструменты.

Продажа по фабричнымъ цѣнамъ и въ разсрочку по соглашенію.

Наслѣдники М. Б. Неймана,
Витебскѣ, Замковая, д. Кушнера.

ней самые разнообразныя предметы, перѣдко наименѣ замѣтныя, въ родѣ полевой лиліи, ни однажды не дѣлають предметомъ Своего сравненія какой-нибудь музыкальный инструментъ.

Примѣру своего Божественнаго Учителя послѣдовали и св. апостолы. Наставляя своихъ духовныхъ чадъ въ богохваленіи, они, безъ сомнѣнія, не преминули бы упомянуть о музыкальныхъ орудіяхъ, если бы для употребленія ихъ находили основаніе или въ примѣрѣ Иисуса Христа, или въ указаніи руководившаго ими Св. Духа. Но этого они не дѣлають. Такъ, св. апостолъ Павелъ убѣждаетъ христіанъ вразумлять другъ друга „псалмами и славословіями и пѣснопѣніями духовными“ (Ефес. V, 19; срав. Колос. III, 16 и I Коринт. XIV, 26) ³⁾; о музыкальныхъ орудіяхъ и помину нѣтъ, — очевидно, употребленіе ихъ въ богослуженіи не было завѣщено христіанской церкви и св. апостолами.

Что же касается первенствующихъ христіанъ, то тутъ, кажется, и сомнѣнія не можетъ быть, что они не знали употребленія музыкальныхъ инструментовъ при богослуженіи, особенно органовъ. Имѣя всегда предъ глазами примѣръ Господа Иисуса Христа и Его св. апостоловъ, они всецѣло слѣдовали чиноположенію апостольскому и не отступали отъ него по силѣ первобытнаго религіознаго энтузіазма, воодушевлявшаго первенствующихъ христіанъ въ борьбѣ съ врагами, — они, большею частію люди бѣдные и незнатные по своему гражданскому положенію, не могли и думать о такихъ величественныхъ, дорого стоящихъ и рѣдкихъ инструментахъ, какими являются органы даже въ наше время, время сравнительно дешевой выдѣлки всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ, — они, наконецъ, гонимые и преслѣдуемые врагами новой по своему появленію и ученію религіи — іудеями и язычниками, по необходимости ограничивались при богослуженіи самымъ необходимымъ, и укрываясь отъ преслѣдованій своихъ враговъ въ мѣстахъ пустынныхъ и подземныхъ (катакомбахъ), изъ чувства опасенія быть открытыми, не могли употреблять инструментальной музыки, какъ слишкомъ громозвучной. Не лишне тутъ припомнить письмо Плинія, проконсула римскаго въ Визаніи, въ коемъ онъ, послѣ розысковъ о христіанскихъ сѣбѣдникахъ,

³⁾ Подъ псалмами разумѣются еврейскіе псалмы, подъ славословіями и пѣснопѣніями — священные пѣсни, составленные уже въ христіанской церкви.

писалъ императору Трояну, что „вся вина христіанъ или заблужденіе состоитъ въ томъ, что они имѣютъ обыкновение въ извѣстный день собираться вмѣстѣ до восхода солнца *пѣть хвалебную пѣснь Христу, какъ Богу*“. Можно даже съ увѣренностью сказать, что первенствующие христіане не только не употребляли при богослуженіи музыкальныхъ инструментовъ, но даже считали ихъ неприличными для христіанскаго богослуженія. „Невозрожденнымъ только прилично пѣть на бездушныхъ инструментахъ и кимвалахъ съ плясаніемъ“—пишетъ Іустинъ Философъ, писатель второго вѣка, являющійся несомнѣнно выразителемъ мнѣнія всей древне-христіанской церкви.

Точно также не было инструментальной музыки у христіанъ и со времени Константина Великаго, когда христіанство было признано религіею государственною,—когда сами императоры стали заботиться о построеніи и благолѣпіи храмовъ и храмоваго богослуженія,—когда начали быстро и свободно развиваться внѣшнія формы христіанскаго культа и богослуженія. Напротивъ, сами представители церкви, заботясь о благолѣпіи и торжественности богослуженія, въ то же время пренебрегали музыкою инструментальною и считали ее, по примѣру первенствующихъ христіанъ, неприличною для христіанскаго богослуженія. Взглядъ христіанской церкви послѣ Константиновскаго періода на инструментальную музыку въ ея богослужебномъ употребленіи вполне видѣнъ изъ слѣдующихъ словъ, принадлежащихъ двумъ знаменитѣйшимъ отцамъ четвертаго и пятаго вѣка по Рождествѣ Христовомъ—Іоанну Златоусту и блаженному Августину, который пользуется величайшимъ авторитетомъ особенно на Западѣ. „Гусли“,—говоритъ блаженный Августинъ,—„въ церковномъ пѣніи неумѣстны“. „Лиры и органы“,—пишетъ тотъ же отецъ,—„должны быть отвергаемы церковью, потому что ихъ употребляютъ азычники для роскоши и похоти въ театрахъ, въ собраніяхъ и при жертвоприношеніяхъ“. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что „ветхозавѣтные инструменты приличны христіанамъ только въ смыслѣ духовномъ; для христіанина псалтирь и гусли суть члены тѣла, на коихъ поется пѣснь новая, состоящая не изъ словъ, а изъ дѣлъ“.

Послѣ сказаннаго нисколько не удивительно, что именно съ исторіею пѣнія, а не инструментальной музыки связаны имена знаменитѣйшихъ представителей церкви: св. Игнатія Богоносца, св. Григорія Чудотворца, св. Аѳанасія Великаго, св. Василія Великаго, св. Ефрема Сирина, св. Іоанна Златоуста и на Западѣ—св. Амвросія Медиоланскаго и св. Григорія Великаго.

Изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, употребляемыхъ римскою церковью при богослуженіи, преимущество отдается органу. Такой выборъ объясняется не тѣмъ, что органъ изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ—самый лучший въ дѣлѣ передачи религіозныхъ думъ и чувствованій,—напротивъ, лучшіе музыкальные таланты составили себѣ имя и приобрѣли всемирную извѣстность преимущественною игрою на струнныхъ инструментахъ,—а тѣмъ, что органъ наиболѣе улобенъ для церковнаго употребленія въ цѣляхъ практическихъ: приобретеніе органа для каждаго, даже самаго бѣднаго, костела представляется болѣе возможнымъ, чѣмъ содержаніе цѣлаго штата постоянныхъ музыкантовъ. Потому-то органъ явился и первичнымъ музыкальнымъ инструментомъ въ богослуженіи римской церкви.

Теперь, естественно спросить, къ какому же періоду жизни Западной церкви относится введеніе въ богослужебное употребленіе инструментальной музыки вообще и органной по преимуществу.

Насколько можно судить по историческимъ извѣстіямъ, сохранившимся въ сочиненіяхъ древнихъ писателей, какъ христіанскаго, такъ и языческаго міра, самый инструментъ, носившій имя *органа* и по своему устройству напоминавшій современные намъ органы, появился незадолго до Рождества Христова. Первоначальною сферою распространенія органовъ, около времени Рождества Христова, была Греція. Спустя одно-два столѣтія, органы проникли въ Италію, но все еще они долго составляли большую рѣдкость, даже въ VI и VII вв., а объ употребленіи ихъ при богослуженіи въ церквахъ италіянскихъ отрывочныя свѣдѣнія начинаются только съ конца XII вѣка. Такъ было въ Италіи.—Что же касается Германіи и Франціи, то здѣсь органы очень долго и вовсе не были извѣстны. Впервые съ органною музыкою во Франціи познакомился королевскій дворъ, поводомъ къ чему послужилъ органъ, подаренный византійскимъ императоромъ Константиномъ Копрономомъ Пяппину Короткому, королю французскому. Введеніе же органной музыки въ богослужебное употребленіе во Франціи тѣсно связано съ именемъ Карла Великаго. Онъ поставилъ органы въ Мецскомъ и Ахемскомъ кафедральныхъ соборахъ, откуда и распространилась органная музыка сначала по всей Франціи, потомъ въ Германіи и Англій, прививаясь сперва къ церквамъ городскимъ, потомъ и сельскимъ. Папы, занятые въ это время идеей всемірнаго господства, не взирая на древне-христіанскую практику и историческія свидѣтельства, были молчаливыми свидѣтелями происходившаго, воплію

основательно предполагая, что нововведеніе это, увеличивая блескъ ихъ служенія, косвеннымъ образомъ служить той же идеѣ всемірнаго господства. Однако, едва это новшество изъ церквей италіянскихъ перешло въ Галлію и стараніями Карла Великаго получило распространеніе, какъ противъ него раздались голоса со стороны многихъ представителей католическаго міра: „Откуда теперь въ церкви, когда уже сѣнь и преобразованія прошли, откуда столько органовъ и цимбаловъ“—въ недоумѣніи спрашиваетъ въ превосходной своей рѣчи аббатъ Айрледъ, современникъ и ученикъ Бернарда (XII в.), свидѣтель необыкновенно быстрого, ранѣе не слыханнаго, распространенія обычая употребленія этихъ инструментовъ при богослуженіи. „Къ чему“,—продолжаетъ онъ,—„это страшное дыханіе мѣховъ, выражающее болѣе гулъ грома, нежели пріятность голоса“. Не признаетъ музыкальные инструменты пригодными для христіанскаго храма и извѣстѣйшій католическій богословъ Тома Аквинатъ, жившій въ XIII в. „Въ ветхомъ за вѣтѣ“,—пишетъ онъ,—„были въ употребленіи музыкальные инструменты, потому что народъ былъ сердца жестокаго и плотскихъ чувствованій. Теперь же инструменты не нужны, да не покажется церковь іудействующею“. И въ послѣдующее время римско-католическое духовенство, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, несочувственно относилось къ органной музыкѣ, тѣмъ болѣе, что по своему характеру это часто была музыка свѣтская: органисты, забывая святость мѣста, нерѣдко вмѣсто священныхъ славословій наигрывали на органахъ мірскія цѣсни и, при томъ, въ самую торжественную минуту возношенія Св. Даровъ для поклоненія.

Несмотря, однако, на всѣ эти протесты, употребленіе органовъ при богослуженіи мало-по-малу утвердилось въ римско-католической церкви, хотя и не получило еще гласнаго признанія.

Но вотъ явился Люгеръ. Для римско-католическихъ ученыхъ—богослововъ настало время выступить на защиту богослужебныхъ формъ своей церкви отъ напора либерально-разрушительныхъ влчній протестантизма. Съ этою цѣлю они начали раскрывать сѣдую старину, стараясь въ ней найти точку опоры для тѣхъ и другихъ церковныхъ установленій.

Подобными историческими справками они старались оправдать и всѣ литургическія особенности римской церкви, въ томъ числѣ и употребленіе при богослуженіи музыкальныхъ инструментовъ.

Какъ ни заманчива была мысль о древнѣйшемъ богослужебномъ упо-

требленіи музыки, настойчиво проповѣдуемая въ средніе вѣка не только путемъ односторонней католической науки, но и путемъ полного анахронизмовъ иконописнаго искусства, тѣмъ не менѣ римско-католическіе богословы реформаціоннаго времени, отступая преѣ фактами науки, должны были зваться, что „органы и трубы и прочія мусикійскія орудія въ костелы недавно занесены“ (Цезарь Бароній, писатель XVI в., защищавшій въ своихъ „Annales“ постановленія римско-католической церкви отъ нападковъ протестантскихъ ученыхъ) и въ оправданіе этого нововведенія римской церкви вынуждены были прибѣгнуть къ соображеніямъ теоретическаго характера. Они стараются, прежде всего, доказать умѣтность при богослуженіи даже такого потрясающаго инструмента, какъ труба, для чего ссылаются на описаніе у апостоловъ будущаго страшнаго суда, гдѣ упоминается труба, посредствомъ которой Господь позоветъ къ Себѣ на судъ всѣхъ живыхъ и мертвыхъ (Матѣ. XXIV, 31; I Коринѣ. XV, 52; I Солун. IV. 16). Отсюда они дѣлаютъ такое заключеніе: если труба есть въ небесной капеллѣ Самого всемірнаго Судій и возвѣстятъ нѣкогда конецъ міра,—если она находитъ себѣ мѣсто въ вѣчномъ царствѣ Божіемъ на небѣ, то почему же, спрашивается, не дать ей мѣста въ земномъ жилищѣ Божіемъ, т. е. въ храмѣ. По меньшей мѣрѣ странное заключеніе! Развѣ могутъ не согласиться католики, что выраженіе „въ послѣдней трубѣ вострубитъ“ (1 Коринѣ. XV, 52) и ему подобныя суть выраженія образныя? А если такъ, то что въ нихъ убѣждающаго?

Приведенному основанію не уступаетъ по степени доказательности и второе, которое римская церковь находитъ въ слѣдующихъ словахъ псалмопѣвца: „*хвалите Его (т. е. Господа) во гласъ трубнемъ, хвалите Его во псалтири и гуслехъ, хвалите Его въ тимпанъ и мизъ, хвалите Его во струнахъ и органъ*“ (Псал. 150). Безспорно, здѣсь рѣчь идетъ о восхваленіи Господа при помощи музыкальныхъ орудій, но только въ ветхозавѣтное время. Послѣдняго обстоятельства никакъ нельзя упускать изъ виду. Псалмопѣвецъ жилъ и писалъ въ ветхомъ завѣтѣ, когда младенчествовавшій народъ еврейскій способенъ былъ удовлетворяться болѣе чувственнымъ, чѣмъ духовнымъ,—поэтому и въ богослуженіи ветхозавѣтнаго времени преобладаетъ внѣшность, куда относится и музыка, и это сдѣлано, какъ замѣчаютъ св. Іоаннъ Златоустъ и блаженный Феодоритъ, только изъ снисхожденія къ слабости и жестокосердію евреевъ. Духъ же христіанскаго богослуженія отличенъ отъ характера богослуженія іудейскаго. Само христіан-

ство есть религія духа (Іоан. IV, 24; Мат. XV, 8), почему и въ богослуженіи христіанскомъ должна преобладать духовная сторона,—въ крайнемъ случаѣ, внутренняя сторона должна гармонически соединяться съ внѣшней. Римское богослуженіе не знаетъ этой гармоніи: въ немъ всецѣлое преобладаніе внѣшности. Вотъ почему и музыкѣ тамъ отведено такое видное мѣсто.

Наконецъ, римско-католическіе богословы указываютъ на то, что инструментальная музыка есть олицъ изъ сильнѣйшихъ способовъ общественнаго назиданія,—что мелодическіе звуки музыкальныхъ инструментовъ возбуждаютъ гораздо болѣе мыслей, чувствованій и внутреннихъ движеній, чѣмъ слова. Конечно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что превосходная игра на музыкальномъ инструментѣ можетъ производить въ душѣ человѣка чувствованія и думы, можетъ располагать ее къ благоговѣнію. Но при дѣйстви музыки на душу весьма много значить расположеніе и настроеніе самой души человѣка, слушающаго эту музыку. У человѣка отзывчиваго, впечатлительнаго, проникнутаго духомъ христіанскаго благочестія, игра на музыкальныхъ инструментахъ пробуждаетъ религіозныя мысли, усиливаетъ святаго чувствованія сердца; окруженный цѣлымъ міромъ гармоническихъ мелодій, человѣкъ благочестивый весьма естественно возносится своими мыслями и желаніями горѣ, къ небу, но не въ состояніи инструментальная музыка направить къ думамъ о горнемъ мірѣ, къ заботамъ о душѣ—слушателя порочнаго. Кромѣ того, музыка инструментальная, будучи своею внутреннею стороною недоступна большинству, не посвященному въ тайну музыкальнаго искусства, заглушающая слухъ и не позволяющая уразумѣть смыслъ поемаго, въ соединеніи со множествомъ пышныхъ и торжественныхъ католическихъ процессій, церемоній и обрядовъ, сосредоточиваетъ вниманіе почитателей католическаго богослуженія слишкомъ много на себя самой, а чрезъ это самое и не удовлетворяетъ своему главному назначенію: не возводитъ мысли молящихся чрезъ свое посредство къ міру горнему, небесному; большинство неразвитыхъ слушателей богослуженія католическаго, увлекаясь пріятностью и стройностью музыкальныхъ звуковъ, далѣе этой внѣшности и не идетъ,—въ результатѣ получается одинъ пустой звукъ, безъ какого бы то ни было серьезнаго содержанія, если только нечистая фантазія не соединитъ съ нимъ нечистой мысли или нечистаго чувства.

Послѣ сказаннаго вполнѣ понятно, что и въ реформаціонное и послѣ-реформаціонное время находились свѣтлыя личности въ католическомъ мірѣ,

возстававшия противъ употребленія при богосложеніи инструментальной музыки. И не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя соборы, бывшіе въ Западной церкви, возвышали голось противъ названнаго нововведенія римской церкви. Такъ, соборъ Тридентскій (1555 г.), подробно обсуждавшій вопросъ объ очищеніи и исправленіи богослужебнаго пѣнія, пришелъ къ мысли какъ о совершенномъ изгнаніи изъ церквей „фигуральнаго“ пѣнія, такъ и объ удаленіи органовъ изъ церковнаго употребленія, и только въ угоду императору Фердинанду рѣшилъ „терпѣть“ инструментальную музыку при богослуженіи. Точно также высказался противъ употребленія инструментальной музыки при богослуженіи и соборъ Миланскій (1575 г.), постановившій исключить изъ богослужебнаго употребленія всѣ музыкальные инструменты, кромѣ органовъ.

Указанные соборы, высказавшіеся принципиально противъ употребленія при богослуженіи инструментальной музыки, правду сказать, не настаивали на изгнаніи ея на практикѣ, особенно музыки органной. Очевидно, нововведеніе это было освящено, такъ-сказать, временемъ,—обычай далъ ему силу, содѣйствовали примиренію съ нимъ римско-католическаго духовенства, особенно послѣ тѣхъ усовершенствованій, какія были сдѣланы въ послѣднее время въ области инструментальной музыки вообще и органной въ частности, такъ что въ половинѣ XVIII в. папа Венедиктъ XIV, съ одной стороны похвалившій русскихъ, бывшихъ въ униі, за то, что они не употребляли въ церквахъ своихъ музыки, съ другой стороны разрѣшилъ употребленіе ея въ церквахъ римскихъ, сдѣлавъ при этомъ весьма важное замѣчаніе. „Надобно“,—сказалъ онъ,—„избѣгать во время пѣнія театральности и частыхъ повтореній и поглощеній словъ; надобно заботиться о томъ, чтобы всѣ слова были совершенно понимаемы. Церковная музыка, какъ учитъ Исидоръ Севильскій, имѣетъ задачею своею возносить души людей къ Богу,—но какъ это можетъ быть, если не слышно словъ? Инструменты должны быть приурочены къ тому, чтобы дать пѣсни новую силу, такъ чтобы смыслъ словъ болѣе и болѣе проникалъ въ сердца слушателей, и вѣрующіе воспламенялись къ любви Божіей и божественнымъ предметамъ. Такое употребленіе инструментовъ, когда голось поющаго и звукъ словъ поглощаются, бесполезно и непозволительно“.

Это было первое гласное признаніе со стороны высшей іерархической власти употребленія инструментальной музыки при богослуженіи римской

церкви, не оправдываемаго ни историческими справками, ни соображеніями теоретическаго характера. Очевидно, римская церковь не хотѣла видѣть или вѣрнѣе, не хотѣла признать своего заблужденія. Такъ дѣло обстоитъ и понынѣ. Послѣ этого, не нужно удивляться, что римская церковь, раньше ратовавшая за умѣстность въ богослуженіи собственно органа, въ послѣднее время стала доказывать, что не только органъ, но и всякій инструментъ можетъ быть употребляемъ при богослуженіи, и развѣ только объ одномъ барабанѣ нельзя сказать этого, — не нужно удивляться и тому, что музыка эта нерѣдко принимаетъ чисто театральнй характеръ, и исполнителями ея являются тѣ музыканты и пѣвцы, которыхъ наканунѣ можно было видѣть на театральнй сценѣ. Съ точки зрѣнія католической церкви во всемъ этомъ ничего нѣтъ предосудительнаго. Для убѣжденія въ этомъ, она можетъ представить сколько угодно свидѣтельствъ ветхаго завѣта, какъ ни странно для обычая новозавѣтнаго искать указаній и основаній въ ветхомъ завѣтѣ.

Общія замѣчанія о мотивахъ, указанныхъ выше нововведеній и о вредѣ ихъ для членовъ римской церкви.

Разсмотрѣнныя выше отличія римской литургіи отъ православной (относительно названія литургіи, богослужебнаго языка, инструментальной музыки и пр.) не относятся, безъ сомнѣнія, къ существеннымъ, — такимъ, въ которыхъ можно было бы видѣть характеристическое различіе между православною и римско-католическою церковью. Тѣмъ не менѣе они далеко не мало важны. Одни изъ нихъ безразличны для назиданія христіанъ, затѣмъ всѣ вмѣстѣ относятся къ общей характеристикѣ римской церкви, которая тѣмъ именно и отличается отъ православной, что послѣ раздѣленія церквей идетъ по скользкому пути отступленій, такъ что всякое нововведеніе можетъ считаться неотъемлемою принадлежностью ея въ такой степени, въ какой постоянство и неизмѣнное храненіе переданнаго по преемству отъ апостоловъ составляетъ принадлежность православной церкви. Такимъ образомъ, одну сторону отступленій римской церкви касательно литургіи вообще и именно незаконность ихъ, какъ нововведеній, не имѣющихъ за собою никакихъ, оправдывающихъ ихъ, свидѣтельствъ, мы уже разсмотрѣли. Остается теперь сказать, какія внутреннія несообразности заключаютъ они въ себѣ, — частіе:

насколько уважительны мотивы ихъ появленія и насколько, съ другой стороны, незначительна потеря членовъ римской церкви обусловленная ими. Неужели она такова, что высшими интересами членовъ римской церкви можно было пожертвовать въ пользу личныхъ интересовъ римскихъ первосвященниковъ, какъ фигурируютъ въ качествѣ дѣйствительныхъ мотивовъ во всѣхъ нововеденіяхъ? Будь такъ, еще можно было бы примириться, да и только въ томъ случаѣ, если и личные интересы служатъ общей цѣли церкви; въ этомъ случаѣ можно бы сослаться на то, что цѣль оправдываетъ средства: аргументъ—если не *de jure*, то *de facto* всегда существовавшій въ римской церкви. Къ сожалѣнію и этого нельзя сказать, что увидимъ немного ниже. На этотъ разъ разсмотримъ мотивы, по которымъ богослужебнымъ языкомъ былъ признанъ языкъ латинскій,—мотивы не дѣйствительные, а только преднамѣренно указываемые римскими писателями. „Симъ средствомъ“,—говорятъ они,—„устраняются всѣ поврежденія, которыя легко могутъ произойти въ литургіи при переводахъ ея на другіе языки, сохраняется единство вѣры и обрядовъ, духовныя лица поощряются изученіемъ латинскаго языка къ упражненію въ наукахъ, и имъ дѣлаются доступными творенія святыхъ отцовъ“. Итакъ, прежде всего, устраняются поврежденія, которыя могутъ произойти при переводахъ литургіи на другіе языки. Непонятно, какія поврежденія въ данномъ случаѣ имѣютъ въ виду? Неужели неточность перевода, обусловленная отсутствіемъ необходимыхъ для того средствъ въ самомъ языкѣ -- то же, что поврежденіе? Поврежденій же въ собственномъ смыслѣ, которыя оставались бы въ теченіе вѣковъ неисправленными при существованіи прототипа, мы и представить себѣ не можемъ. Страннымъ кажется и то, почему бы не руководствоваться подобными соображеніями въ другихъ, болѣе важныхъ, случаяхъ? Почему, напр., евангеліе, эта единственная книга вѣры, можетъ быть переводимо на другіе языки безъ серьезныхъ опасеній, при признаніи, что только единствомъ латинскаго языка достигается единство вѣры и обрядовъ? Наконецъ, развѣ можно упрекнуть православную церковь въ томъ, что въ ней отсутствуетъ единство вѣры и обрядовъ при всемъ множествѣ ея членовъ, исповѣдующихъ свою вѣру на многихъ, разныхъ языкахъ? Не заслуживаетъ вниманія и то соображеніе въ пользу единства богослужебнаго языка, по которому лица духовныя изученіемъ латинскаго языка поощряются къ упражненію въ наукахъ, и имъ дѣлаются доступными творенія святыхъ отцовъ. Латинскій языкъ, какъ языкъ науки, не долго могъ

оставаться съ такимъ значеніемъ. Въ настоящее время, напримѣръ, онъ уступилъ свое мѣсто, такъ называемымъ, новымъ языкамъ. Можно ли было, спросимъ послѣ этого, заранѣе предугадывая временное значеніе латинскаго языка, указывать на него, какъ на мотивъ, почему языкъ этотъ былъ принятъ и въ богослуженіе? Слѣдуетъ ли прибавлять къ этому, что знаніе латинской мессы еще не можетъ свидѣтельствовать о знаніи латинскаго языка, — такомъ знаніи, которое позволяло бы пользоваться научными сочиненіями, написанными на этомъ языкѣ? Что касается, наконецъ, того, что чрезъ изученіе латинскаго языка духовнымъ лицамъ становятся доступными творенія святыхъ отцовъ, то на это достаточно сказать, что далеко не всѣ отеческія творенія написаны на языкѣ латинскомъ. Послѣдній мотивъ, т. е. важность знанія латинскаго языка для духовныхъ лицъ, совсѣмъ не слѣдовало бы указывать. Здѣсь какъ-то особенно рельефно выдѣляются личные расчеты римскихъ первосвященниковъ. Они желаютъ, чтобы подвѣдомое имъ духовенство было научно-образованнымъ. Желаніе, правда, похвальное, но въ то же время низменное, насколько путь для достиженія его усматривается въ обреченіи всѣхъ остальныхъ членовъ церкви на полнѣйшее незнаніе того, что каждому необходимо и спасительно. Впрочемъ, не только послѣдній, но и всѣ разсмотрѣнные мотивы послѣ сдѣланныхъ замѣчаній, оказываются лишенными всякаго смысла и значенія. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть мало-значительнѣе ихъ въ сравненіи съ тою нравственною пользою, каковую каждый христіанинъ можетъ получить отъ слушанія литургіи? Если у нѣмого креста, смотря на одно изображеніе распятаго Спасителя, христіанинъ можетъ научиться всѣмъ своимъ нравственнымъ обязанностямъ: любви къ Богу и ближнимъ, терпѣнію и т. д., то что сказать о литургіи, которая есть какъ бы продолженіе жизни Господа нашего Іисуса Христа, продолженіе Его живой проповѣди среди насъ? Она представляетъ наилучшее средство, со дня на день, болѣе и болѣе укрѣплять себя въ вѣрѣ и благочестіи, болѣе и болѣе упражняться въ добродѣтельной жизни; она утѣшаетъ насъ въ минуты бѣдствій, научаетъ мириться съ судьбою своею и терпѣливо нести крестъ свой, представляя примѣръ намъ въ Лицѣ Вожественнаго Страдальца. Словомъ, она помогаетъ намъ нравственно переродиться. Но именно этой нравственной пользы и лишены бывають слушатели римской литургіи: она, совершаемая на мертвомъ, непонятномъ языкѣ, является для нихъ мертвой формою безъ всякаго внутренняго смысла. Что это такъ, достаточно указать на тотъ

фактъ, что вѣрующіе во время совершенія римской мессы не слушаютъ ее умѣющіе читать занимаются чтеніемъ псалмовъ и молитвъ по своей молитвенной книгѣ, какъ будто совершаемое на престолѣ къ нимъ и не относится, а неумѣющіе читать вынуждены бывають любоваться самымъ дѣйствиємъ, не принимая въ немъ участія ни умомъ, ни сердцемъ. Съ этой стороны литургія римская не есть общественное богослуженіе, каковымъ она должна быть по цѣли учрежденія, а скорѣе частная молитва каждаго, если только можно назвать молитвою чтеніе псалмовъ, нерѣдко безъ всякаго пониманія, первыми и главнѣе по сторонамъ костела вторыми. Вышшіе знаки богопочтенія, по которымъ мы привыкли судить о внутреннемъ настроеніи молящагося, въ костелѣ всегда могутъ ввести въ заблужденіе; они дѣлаются католиками просто механически: звукъ звонковъ, примѣръ священнодѣйствующаго и т. п.—вотъ что побуждаетъ ихъ дѣлать колѣнопреклоненіе, наклоненіе головы и т. д. Какъ бы въ вознагражденіе мірянъ за то, что они принуждены слушать мессу на непонятномъ для нихъ языкѣ, всѣ обряды и дѣйствія совершающаго мессу опредѣлены римскимъ служебникомъ съ такою подробностью, что священнодѣйствующій обращается просто въ автомата: то онъ слагаетъ и распростираетъ руки, то поднимаетъ глаза къ небу, то обращается къ народу, то переноситъ служебникъ съ одного угла перстами на другой и т. д. Излишняя расчитанность, какую навязываетъ пастырямъ служебникъ латинскій во время совершенія ими мессы, не можетъ замѣнить живого, общепонятнаго языка литургіи. Не замѣнять его и всѣ другія средства, къ которымъ тщетно прибѣгаетъ латинская церковь. Правда, издаваемые ею переводы литургіи и приспособительныя молитвы не остаются безъ значенія. Но если взять во вниманіе, что ими можетъ пользоваться сравнительно меньшая часть христіанъ, а потомъ, что для могущихъ пользоваться ими они никогда не замѣняютъ всецѣло живого слова, исходящаго изъ устъ священнодѣйствующаго, можно, ни мало не колеблясь, сказать, что значеніе ихъ не велико и даже ничтожно.

Зная, что бываетъ съ римскимъ христіаниномъ, когда ему приходится слушать только одну мессу, не трудно себѣ представить, что производить въ его душѣ многія мессы, одновременно совершенныя, хотя бы то одна изъ нихъ шла въ слухъ, а прочія шепотомъ. Если онъ развлекается, когда имѣетъ нѣкоторую возможность сосредоточить свое вниманіе на одномъ мѣстѣ, гдѣ совершается святѣйшее таинство Евхаристіи, то при многихъ мессахъ

вниманіе его положительно разсѣвается, а самое священнодѣйствіе лишается приличной ему важности, благолѣнія и торжественности.

Къ тѣмъ же самымъ слѣдствіямъ приводитъ и употребленіе при богослуженіи музыкальныхъ орудій. Католическая церковь, однако, не хочетъ знать ихъ, усматривая важное значеніе музыкальныхъ орудій въ томъ, что они служатъ приманкой для народа. Конечно, нельзя не признать этого значенія за инструментальной музыкой, нельзя поэтому самому не оправдать и употребленіе ея при богослуженіи, но только съ точки зрѣнія католицизма, въ программу дѣятельности котораго, повторимъ раньше сказанное, всегда входило стремленіе привлекать къ себѣ послѣдователей внѣшностью, блескомъ церемоній, пышностью и т. д. Но разъ католицизмъ ограничиваетъ религиозное развитіе народа почитаніемъ только внѣшней церковной обрядности, не возводя его на высоту пониманія внутренняго содержанія ея, то уже въ томъ заключается его слабая сторона.

Общій характеръ римской литургіи.

Закончивъ разсмотрѣніе отличій, касающихся римской литургіи вообще въ сравненіи съ литургіею православною, долгомъ считаемъ остановить свое вниманіе еще на общемъ характерѣ римской литургіи. Это оказывается необходимымъ, прежде всего, потому, что не всѣ отличія, относящіяся къ римской литургіи по сравненію ея съ литургіею православною, разсмотрѣны нами: одни—по несоотвѣтствію ихъ цѣли настоящаго труда, другія—по мелочности своей, между тѣмъ всѣ они имѣютъ значеніе въ цѣломъ составѣ римской литургіи, хотя часто едва, а можетъ быть и совсѣмъ незамѣтное. Указавъ, такимъ образомъ, на характеръ римской литургіи, мы разсчитываемъ этимъ способомъ устранить тотъ пробѣлъ, который могъ образоваться отъ только что указанныхъ оцущеній. Къ тому же выше, въ предисловіи, мы имѣли случай разъяснить значеніе, какое имѣетъ римская литургія въ дѣлѣ римской пропаганды, именно сказали, что увлеченіемъ римскимъ богослуженіемъ вообще и литургіею по преимуществу, начинается собственно увлеченіе и самымъ католицизмомъ. Это обстоятельство даетъ намъ еще больше смѣлости, не ограничиваясь замѣчаніями объ отличіяхъ римской литургіи, обратитъ

вниманіе читателей еще на то, чѣмъ является римская литурія въ совокупности этихъ отличій, иными словами, — каковъ ея характеръ.

При входѣ въ старинный исто́во-православный и русскій храмъ, мѣсто совершенія Божественной литургіи, сразу чувствуется, что это — не церковно-приходская школа для взрослыхъ (подобно протестантской кирхѣ) и не религиозный театръ (подобно римско-католическому костелу), но именно домъ Божій, домъ святыхъ, домъ молитвеннаго созерцанія и возношенія сердець *горь*, отложенія всякихъ попеченій житейскихъ, всего суетно-мірскаго, плотнаго. Таинственный полумракъ, съ мерцающими лампадами и свѣчами, этими дарами и знаками любви къ Богу со стороны вѣрующихъ, не раздражаетъ глаза рѣзкими и храму неподобающими свѣтовыми эффектами, напротивъ успокоительно дѣйствуетъ на взволнованную душу, какъ бы знаменуя тотъ невечерній и незаходимый свѣтъ, какой свѣтитъ въ царствѣ Отца Небеснаго. Лики святыхъ спокойныя, безъ всякихъ эффектныхъ сценъ, рѣзкихъ позъ, вычурныхъ одѣвій, отрѣшенные отъ всякой чувственности, болѣе символическіе, чѣмъ реально-художественные, какъ будто смотрятъ на молящихся изъ-за пренебесной своей страны духа, святости, неизмѣнной правды и блаженнѣйшаго покоя... Пѣніе ровное, спокойное, мелодично-стройное, тихое, безъ рѣзкихъ криковъ и раздражающихъ слухъ завываній, способное укрощать душевныя страсти современныхъ Сауловъ и утишать сердечныя бури взволнованныхъ самолюбцевъ и самоистерзаныхъ завистниковъ. Священнодѣйствія спокойныя, безъ театральныхъ жестовъ и искусственныхъ интонацій, полныя глубокаго религиознаго символизма вчушаютъ невольное чувство благоговѣнія и совершаютъ блаженный подъемъ сердець *горь*... И дѣйствительно, присутствующіе не сидятъ какъ школьники на своихъ скамьяхъ съ устремленными въ книжку глазами, не простираются ницъ, не ползаютъ рабски въ прахъ, но стоятъ *прости*, готовые внимать словамъ божественной премудрости, съ сердцемъ, горящимъ пренебеснымъ огнемъ и устремленнымъ *горь*... Подлинно, все въ исто́во-православномъ храмѣ, при исто́во-православномъ богослуженіи и съ исто́во-православными богомольцами возноситъ переступившаго порогъ этого храма отъ земли къ небу, отъ плоти къ духу, отъ юдоли плача, страданій, скрежета зубовъ, зависти, эгоизма, зла всякаго рода — въ райскую обитель мира, любви, добра, блаженства, идѣже нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но вѣчный покой и жизнь безконечная.

Вотъ вѣрная картина православнаго храма въ моментъ совершенія въ немъ Божественной литургіи, этого важнѣйшаго христіанскаго богослуженія.

Не то бываетъ въ римско-католическомъ костелѣ. При входѣ въ костелъ православнаго христіанина поражаетъ живость статуй и картинъ, какъ будто небо перенесено сюда для соприсутствія при богослуженіи вмѣстѣ съ вѣрующими чадами земной церкви. Всмотриваясь ближе, онъ замѣчаетъ, что это перенесеніе неба на землю совершено путемъ оземляненія неба, его оплотненія, матеріализаціи. Его удивляетъ этотъ художественный реализмъ позъ и выраженій, эти Мадонны, нарисованныя съ натурщицъ, эти статуи, убранныя въ современные костюмы, благодаря коимъ онъ можетъ принять статую, святаго за простаго живого смертнаго. Тамъ вдали онъ замѣчаетъ какъ будто фигуру крестьянина, полходить ближе, и каково же его изумленіе, когда онъ убѣждается, что это—Христось. Но вотъ раздались звуки органа и капеллы. Православному зрителю невольно припоминается чувственность ветхозавѣтно-сѣвнанаго богослуженія, гусли и органы, трубные звуки и пѣсня. скаканіе и играніе, а капелла заставляетъ его выслушивать звуки итальянскаго концерта совершенно въ стилѣ оперы съ страстными выкрикиваніями соло и бурными порывами хора и органа. Что же бываетъ въ это время съ членами римской церкви? Если при входѣ въ костелъ до начала богослуженія православному посѣтителю кажется, что онъ вошелъ въ какое-то общественное собраніе, гдѣ каждый можетъ чувствовать себя свободно, сидѣть, разговаривать, любоваться, то не то бываетъ при первыхъ звукахъ органа и первыхъ сигналахъ начала богослуженія: это—минута всеобщаго возбужденія и суматохи, точно электрическая искра пробѣжала по вѣмъ молящимся. Вниманіе ихъ бываетъ сосредоточено на одномъ мѣстѣ—алтарѣ, гдѣ каждый ждетъ увидѣть нѣчто особенное. Но стоитъ появиться пастору съ его обычными размѣренными движеніями, заученными позами, искусственными жестами и неестественно произносимыми возгласами, какъ напряженное вниманіе быстро упадетъ; въ результатѣ получается то, что каждый начинаетъ заниматься своимъ дѣломъ: кто съ чопорною холодностью читаетъ молитвы по своей молитвенной книгѣ, уткнувшись въ нее, точь въ точь какъ прилежные школьники, кто разсматриваетъ костелъ и все, что въ немъ находится. Въ такомъ видѣ продолжается общественная молитва, пока звонокъ не выведетъ богомольцевъ изъ этого полусоннаго состоянія и не заставитъ обратить вниманіе на то же мѣсто священнодѣйствія. Съ такимъ

переменнымъ отношеніемъ къ совершаемому слушатель остается до конца богослуженія.

Наблюдая эту картину, не находящую ничего соответствующаго себѣ въ православной литургіи, гдѣ съ начала до конца продолжается спокойное вниманіе, отвѣчающее молитвенному настроенію предстоящихъ, въ римской литургіи, по справедливости, видать ни что иное, какъ духовно-свѣтскую драму, на подобіе тѣхъ мистерій, которыми такъ богата была средневѣковая театральная сцена. Въ самомъ дѣлѣ, чего нѣтъ въ римской литургіи, что признается необходимою принадлежностью театральной сцены? Съ одной стороны, священнодѣйствующій, котораго каждый шагъ, до мельчайшихъ подробностей, опредѣленъ римскимъ служебникомъ, является исполнителемъ точно заученной роли, по требованію которой то онъ бываетъ спокойнѣе, то приходитъ въ пафосъ, и соответственно этимъ мѣстамъ своей роли то спокойнымъ речитативомъ читаетъ молитву, то, какъ бы наэлектризованный поднимаетъ глаза къ небу, слагаетъ руки на крестъ и т. п. Съ другой стороны, молящіяся, заявляющіе свое участіе въ совершаемомъ въ формѣ интереса къ драматической сторонѣ его, прямо напоминаютъ собою зрителей въ театрѣ.

Въ костелѣ, во время совершенія мессы, какъ и въ театрѣ, когда въ темноту идетъ представленіе; мы видимъ все, что можетъ нѣжить слухъ и зрѣніе даже самаго капризнаго въ этомъ отношеніи человѣка. Начиная съ музыки и оканчивая процессіями съ ихъ непремѣнными атрибутами, оканчивая, словомъ, чрезмѣрно развитою обрядовою пышностью и декоративностью, чисто театрального свойства, всему этому отведено видное мѣсто въ римской литургіи, потому только, что оно можетъ поражать чувства и фантазію зрителей, рассчитано на художественную реализацію религіознаго чувства въ плотны чувственныхъ формахъ, на возбужденіе не возвышеннаго религіознаго чувства, а низменныхъ и земныхъ впечатлѣній плоти. Даже латинскій языкъ въ богослуженіи—что уже говорить обо всемъ прочемъ—служить той же общей цѣли, хотя и не прямо, а косвенно: не понимая совершаемаго, слушатель римской литургіи вполнѣ естественно останавливаетъ свое вниманіе на одной внѣшней, обрядовой сторонѣ. Что это такъ бываетъ и должно быть, пусть читатель представитъ себя слушающимъ китайскую оперу. Не зная языка, что спрашивается, онъ станетъ дѣлать, чтобы избѣжать необходимости оставить театръ раньше окончанія представленія? Онъ всецѣло остановитъ свое вниманіе на драматической сторонѣ представленія, наблюдая выраженія

лица актера, его движенія, жесты, и этимъ путемъ онъ будетъ стараться уяснить себѣ смыслъ представляемаго. То же самое бываетъ и съ слушателемъ римской литургіи.

Наконецъ, впечатлѣніе, получаемое отъ слушанія римской литургіи, во многомъ напоминаетъ то, какое получается въ театрѣ. Римская литургія, вслѣдствіе преобладанія обрядовой стороны, дѣйствуетъ сначала на внѣшнія чувства, а чрезъ нихъ уже на душу; впечатлѣніе при этомъ можетъ быть сильное, хотя вообще кратковременное и прекращается по минованіи возбужденія внѣшнихъ чувствъ. Не такъ ли дѣйствуетъ и театральное представленіе? Но далеко не то бываетъ на православной литургіи. Она не внѣшнія чувства выражаетъ, а дѣйствуетъ прямо на душу, вызываетъ въ ней возвышенныя движенія и затѣмъ какъ бы вовлекаетъ православнаго христіанина съ его молитвеннымъ настроеніемъ въ общее теченіе молитвеннаго чувства на общественномъ богослуженіи. Если на римской литургіи движеніе молитвеннаго чувства бываетъ (если такъ можно выразиться) извнѣ во внутрь, то на православной литургіи какъ разъ наоборотъ. Это обстоятельство весьма важно: молитва православнаго христіанина является собственнымъ изліяніемъ его души,—молитвенное настроеніе бываетъ у него не безъ его участія,—напротивъ, у католика оно является чѣмъ-то навязаннымъ,—это не есть собственное молитвенное настроеніе, а сильно возбужденное состояніе души. Теперь, такъ какъ главная причина возбужденнаго состоянія души лежитъ въ возбужденіи внѣшнихъ чувствъ, то по мѣрѣ повторенія одного и того же возбужденія, внѣшнія чувства притупляются и дѣлаются нечувствительными къ этому обычному возбужденію. Этимъ можно объяснить механичность въ молитвѣ католиковъ, могущей служить, по нашему мнѣнію, основаніемъ для предположенія, что слушаніе римской литургіи для католиковъ обращается въ мало интересующее ихъ времяпрепровожденіе. Не даромъ римская церковь такъ старательно заботится разнообразить свое богослуженіе, и вносить въ него что-нибудь новое: кромѣ органа, первичнаго богослужебнаго музыкальнаго инструмента, появились и другія музыкальныя орудія, цѣлыя сборные оркестры, состоящіе изъ скрипокъ, віолончелей, флейтъ, трубъ и литавръ, признанныхъ одинаково умѣстными при богослуженіи, особенно при процессіи Тѣла Господня, и съ особенною силою и величіемъ возвѣщающихъ приближеніе Небеснаго Правителя; вмѣсто органиста, обыкновенно солировавшаго въ костелѣ, теперь своды костела нерѣдко оглашаются цѣлымъ штатомъ

Вся епархія Полотская.

(Историко-статистическія свѣдѣнія).

(Продолженіе *).

24. **Коптевичи**, село,—Георгія, влм., дер. (1703), кр. гонт., холод.; *прит.*—Вознесенія Господня, при д. Демидовичахъ, дер. (1754), кр. гонт., холод.; *кр. ход.*—лѣтомъ, при освященіи полей; *арм.*—три, въ дни храм. праздн.; *земля*: (1844)=52 дес. 1994 кв. саж., посѣвъ исполу—2 четв. озим., 3 четв. яров., сѣна 25 воз.; у свящ.—салъ; 1 куб. дровъ—14 руб.; *прч. постр.*—1844 г. на средства пом. Володковича; *прих.*—2332 об. въ 8 дн. Коптевичской вол.; *шк.*: а) пар. М. Н. П. два: 1) въ с. Коптевичахъ съ 1864 г., общеж. на 13 уч., 2) въ дн. Демидовичахъ, съ 1898 г., б) грам. въ дн. Пристояхъ.

25. **Кубличи**, мѣст.,—Петра и Павла, кам. (1731 г.), кр. жел., хол.; *арм.*—2 февраля, 29 іюня, 1 октября и еженедѣльно по средамъ; *земля* (1868)=60 дес. 540 кв. с., посѣвъ часть хозяйств.—8 четв. озим., 8 четв. яров., сѣна 45 воз., а часть арендуется за 160 руб. въ годъ; 1 плацъ въ мѣстечкѣ—доходу 73 р.; за отшедшихъ крестьянъ 14 р. 45 к.; *прч. постр.* 1900 г.; *прих.*—3212 об. въ 49 дн. Кубличской, Прозорокской и Томиловичской вол.; *шк.*—а) цер.-пр. въ м. Кубличахъ съ 1886 г., б) пар. М. Н. П. въ м. Кубличахъ, съ 1865 г., общеж. на 44 уч., в) грам. въ дн.: Воярщина, Водьковичи и Кривой Ручей.

26. **Мартиново**, село,—Покрова В. М., дер., (1780 г.), кр. гонт., хол., строится новый кам.; *арм.*—14 септ. и 1 окт.; *земля* (1838)=36 дес., посѣвъ хозяйств.—6 четв. озим., 12 четв. яр., сѣна 100 воз.; 1 куб. дровъ—14 руб.; сборы—осенніе и рождественскіе; *прч. постр.*—1887 г.; *прих.*—1940 об. въ 19 дн. Мартиновской, Стражевской и Уальской вол.; *шк.*—а) цер.-прих съ 1887 г., общеж. на 30 уч., б) грам. въ дн. Дубоце.

27. **Мосаръ**, село,—Благовѣщенія В. М., кам. (1895), кр. жел. тепл.; *прит.*—Рождества В. М., въ дн. Заборовъ дер. (неизв.), кр. гонт. хол.; *час.*—въ дн. Заборовъ, Зановинъ и Старинцъ, дер.; *арм.*—29 іюня, 8 септ. и 13 ноября; *земля* (1869)=52 дес., изъ нихъ 19 дес. подъ болотомъ;

*) См. № 2-й 1903 г.

посѣвъ у свящ.—исполу а у исал.—хозяйств. 4 чтв. озим., 8 чтв. яров., сѣна 30 воз.; за отшедшихъ крестьянъ—94 р. 5 к.; 1 куб. дровь—5 руб.; сборы рождественскіе; *прич. постр.* 1885 г.; *прих.*—2266 об. въ 12 дн. Бѣльской и Каменской вол.; *шк.*—а) пар. М. Н. П. въ им. Мосарь съ 1871 г., общез. на 30 учен., б) грам. въ дн. Живолоцкое и Старое-Село.

29. **Мѣница**, село,—Николая Чуд., кам. (1893), кр. жел. тепл., съ двумя придѣлами: южн.—муч. Петра и сѣверный—преп. Нила Столбен. чуд.; *земля* (1839)—57 дес. 1243 с., въ двухъ кускахъ; посѣвъ хозяйств.: 4 чтв. озим., 5 чтв. яров., сѣна 45 воевъ; б) дача „Зворковщина“ (1839) —35 дес.; 1 куб. с. дровь—12 руб.; *прич. постр.*—для свящ. въ 1900 г. и для исалом.—1876 г.; *прих.*—1939 об. въ 20 дн. Бабыничской, Воронежской и Ушачской вол.; *шк.*—а) двухклассная цер.-прих. въ с. Мѣницѣ, съ 1885 г. (преобраз. въ 1895 г.), общез. на 54 уч., б) грам. въ дн. Лобуовщинѣ.

29. **Нача**,—село, Св. Троицы, дерев. (1703), кр. гонт., хол.; *прич.*—Рождества Богородицы, въ дн. Полюдовичахъ, дер. (1858), кр. гонт., хол.; *час.*—а) при им. Канавщина кам., б) среди дн. Подсадья дер., в) на кладб. Откинщинскомъ—дер., г) Замочская—дер., д) Самусинская—дер., и е) Урбановская—дер.; *ярм.*—6 августа; *земля*: (1844)—37 дес., и при припис. церкви 5 дес.; посѣвъ исполу—45 пуд. озим., 50 пуд. яров., сѣна 18 воз.; у свящ.—садъ; 1 куб. дровь—10 р.; сборъ осенній—хлѣбомъ; *прич. постр.*—1880 г.; *прих.*—3088 об. въ 38 дн. Начской вол.; *шк.*: а) церк.-прих. въ с. Полюдовичахъ съ 1896 г., б) пар. М. Н. П. въ с. Начъ съ 1865 г., общез. на 50 учен., в) грам. въ дн. Сороки.

30. **Несино**, село,—Вознесенія Господня, дер. (1805), кр. жел., хол.; *прич.*—въ честь Казанской иконы Б. М., въ им. Бараевичахъ, дер. (1895), кр. жел., хол.; *час.*—девять при дорогахъ и въ деревняхъ, всѣ деревянныя; *земля* (1899)—47 дес. 779 кв. саж., изъ нихъ 8 дес. подъ лѣсомъ и заросл.; посѣвъ исполу: 7 чтв. озим., 12 чтв. яров., сѣна 50 воз.; у свящ.—садъ; сборы—по молитвѣ предъ Рожд. и Пасхой хлѣбомъ; *прич. постр.*—1891; *прих.*—3232 об. въ 31 дн. Несинской вол.; *шк.*—а) пар. М. Н. П. съ 1865 г., общез. на 58 уч., б) грам. въ дн.: Воярщина, Горяны и Каравичы.

31. **Низголово**, село,—Іоанна Предтечи, дер. (1820 г.), кр. жел., хол.; *час.*—четыре: въ дн. Городецъ, Желѣзки, Заручевъ и Скокунов-

щина, всѣ дерев.; *ярем.*—на 3-й день Св. Троицы, 24 июня и 8 сентября; *земля* (1846)=37 дес. 98 с., посѣвъ исполу: 6 чत्व. озим., 10 чत्व. яров., сѣна 25 воз., у свящ.—садъ, 1 куб. др.—10 р., *прч. постр.*—1883; *прих.* 2592 об. въ 17 дн. Каменской и Мартиновской *шк.*—а) цер.-пр. съ 1879 г., общ. на 25 уч., б) грам. въ дн. Падалицы.

32. Орѣховно, село,—Николая Чуд., кам. (1850), кр. гонт., хол.; *прип.*—а) Иоанна Предтеечи, при д. Глыбочкѣ, дер. (1830), кр. гонт., хол., б) Иоанна Богослова, на Городекомъ владб., кам. (1860), кр. гонт., хол., в) св. ап. Петра и Павла, на Волчанскомъ владб., дер. (1894), кр. доск., хол.; *час.*—при Волчанской припис. церкви, дер.; *земля:* (1839)=100 дес., въ томъ числѣ лѣсу—25 дес.; посѣвъ хозяйств.—5 чत्व. озим., 7чत्व. яров., сѣна 60 воз.; вклад. на поманов.—200 руб.; у свящ. и псаломщ.—сады; сборы рождеств.; *прч. постр.*—1880 г.; *прих.*—2004 об., въ 23 дн. Ушачской вол.; *шк.*: а) цер.-прих. женская съ 1895 г., общеж. на 25 уч., б) грам. въ дн. Лугово.

33. Орѣховно, мѣст.,—Усненія Б. М., дер. (1884 г.), кр. жел., хол.; *земля* (1839 г.)=38 дес. 289 саж.; посѣвъ исполу: 4 чत्व. озим., 4¹/₂ чत्व. яров., сѣна 16 воз.; плаць въ м. Орѣховнѣ—доходу 28 руб.; у свящ.—садъ; 1 куб. с. дровь—7 р.; *прч. постр.*—1880; *прих.*—2482 об. въ 42 дн. Орѣховской вол.; *шк.*—а) нар. М. Н. П. съ 1885 г., общеж. на 57 учен., б) женская—съ 1900 г., в) грам. въ дн. Богушова и Погово.

34. Паулье, село,—Усненія Б. М., дер. (1748), кр. гонт., хол.; *ярем.*—15 авг. и 8 сент.; *земля* (клир.)=43 дес., посѣвъ хозяйств.: 3 чत्व. озим., 6 чत्व. яров., сѣна 20 воз.; 1 куб. дровь—12 руб.; *прч. постр.*—сгорѣли въ 1900 г.; *прих.*—1461 об. въ 8 дн. Туровлянской и Черствятской вол.; *шк.*: а) ц.-пр. съ 1894 г., б) грам. въ дн. Уволоки.

35. Пышно, мѣст.,—Вознесенія Господня, дер. (1841), кр. гонт., хол.; *прип.*—владб.,—Иоанна Богослова, при дер. Затекаясье, дер. (неизв.), кр. гонт., хол.; *час.*—въ м. „Пышнѣ“ на владб., дер., кр. гонт.; *земля:* (клир.)=62 дес., есть небольш. заросли; посѣвъ хозяйств.: 3 боч. озим., 5 боч. яров., сѣна 45 воз., у свящ.—садъ, 1 куб. дровь—3 р., сборы предъ Рожд. и Паскою; *прч. постр.*—1870—1899 г., у псал.—дома нѣтъ; *прих.*—1676 об. въ 11 дн. Пышнянской вол.; *шк.*—а) нар. М. Н. П. съ 1865 г., б) грам. въ м. Пышнѣ.

36. Свѣча, село,—Рождества Б. М., кам. (1895), кр. жел. хол.; *ярем.*

—въ день Вознесения Господня и 8 севт.; земля (1845)=45 дес. 65 саж., посѣвъ хозяйственный—11 пур. озим., 18 пур. яров., сѣна 50 воз.; у свящ. и псал.—сады; 1 куб. дровъ—8 руб.; *прич. постр.*—1887 г.; *прих.*—1999 об., въ 10 дн. Бочейковской, Станиславовской и Стрижевской вол.; раск.—15 об.; *шк.*: а) цер. прих. съ 1886 г., общез. на 14 уч., б) грам. въ дн. Водопоево.

37. **Солоневичи**, село,—Михаила Арх., дер. (1863), кр. жел., хол.; *час.*—при приход. церкви, дер.; *цѣств.*—рельефное изображ. страждущаго Спасителя, въ часовнѣ; *земля*: (1844)=51 дес. 2107 саж., въ томъ подъ лѣсомъ и болотами 29 дес., посѣвъ исполу: 10 чтв. озим., 20 чтв. яров., сѣна 30 воз.; вклад. на поминово.—100 руб.; 1 куб. дровъ—7 руб.; *прич. постр.*—1886 г.; *прих.*—1153 об. въ 18 дн. Вобнической вол.; *шк.*—а) цер.-пр. съ 1894 г., общез. на 22 уч., б) грам. въ дн. Забѣлье.

38. **Старый-Лепель**, село,—Преображенія Господня дер. (1862), кр. доск., хол.; *прип.*—Или пр., на кладб. при Гушиномъ Прудкѣ, дер. (неизв.) кр. гонт., хол.; *земля*: (квр.)=60 дес., свящ. арендуетъ за 200 р., а псал.—хозяйствен.; 8 четв. озим., 16 четв. яр., сѣна 80 воз.; за отшедш. крест.—10 р. 50 к.; у свящ.—сады; 1 куб. дровъ—10 р.; сборы рождеств.; *прич. постр.*—1880 г.; *прих.*—2533 об. въ 10 дн. Воронской, Заболотской и Франопольской вол.; *шк.*: а) цер.-прих. съ 1885 г., общез. на 40 уч.; б) грам. въ дн.: Занькахъ и Юрьковой-Сгѣнѣ.

39. **Стрижево**, село,—Николая Чуд., кам. (1896 г.), кр. жел., хол.; *час.*—на „Святомъ-Ручьѣ“, дер.; *арм.*—въ с. Стрижевѣ: 9 мая, въ день Св. Духа и 25 авг. и при часовнѣ: въ девятый четвергъ по Пасхѣ и 1 авг.; *земля* (1867)=113 дес. 445 саж., въ томъ подъ лѣсомъ 23 дес. 1365 саж.; посѣвъ исполу—10 чтв. озим., 14 чтв. яров., сѣна 85 воз.; у свящ. и псал.—сады; сборы рождественскіе; *прич. постр.*—1885—86—87 и 1899 гг.; *прих.*—1624 об. въ 15 дн. Стрижевской вол., раск.—68 об.; *шк.*—а) нар. М. Н. Пр. два: 1) муж. въ с. Слободкѣ съ 1866 г., общез. на 35 уч., 2) жен. съ 1899 г., б) грам. въ дн.: Заборовье и Пятигорье.

(Продолженіе будетъ).